

SERPENTARIUM

СЕРПЕНТАРИУМ

МАТВЕЙ ЛУНН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В.И.БЛ

18+

Матвей Лунн

Серпентариум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67940814

SelfPub; 2024

Аннотация

Главный герой этого произведения ужасен. Он является тем самым человеком, которого вам никогда не хотелось бы видеть в кругу своих друзей или даже знакомых. Но однажды жизнь сталкивает его с бездомным мальчишкой, который становится невольным слушателем его судьбы. Содержит нецензурную брань.

Матвей Лунн

Серпентариум

От автора

Привет, мой друг! Спасибо за то, что добыл эту книгу и решил открыть, почитать. Я очень рад, что ты решил провести со мной время. Эта книга может показаться вам пошлой, странной или чересчур жестокой, и это правильно. Не стоит стесняться этого в себе, отриньте все предрассудки и загляните в самую бездну событий. Быть может оказавшись по ту сторону морали, вы сможете найти ответы на интересующие вас вопросы.

А за эту книгу хочу сказать спасибо тебе, дорогой друг. Без твоей поддержки и участия этого всего бы не было.

Главный герой этого произведения – ужасный человек, который дойдя до самого края попытается стать лучше. Не судите его строго, лучше просто выслушайте. Пусть он недостаточно тактичен, но зато честен перед вами.

Также в эту книгу я включил параллельную историю в иллюстрациях. В ней рассказано, возможно, даже больше чем в тексте. Посмотрите внимательно, представляйте, пугайтесь и удивляйтесь.

Всё, что написано в данной книжке прошу не воспринимать как реальную историю. Все персонажи и события вымышленные. Любые совпадения с реальными людьми или

событиями являются случайными.

«Искусство рождается из горя и страданий»

Сасуга Кэй

Ненависть

1

Бриться утром – дело хорошее, но неблагодарное. Это в первые пару десятков лет жизни я брился для girls, чтоб у них нигде и ничего там не кололось. А сейчас уже просто – для себя, когда заканчивается пьяная романтика или вдруг резко посмотрел фильм про мафию и захотелось так же сиять выглаженным лезвием подбородком. Правда каждый раз подбородков под щетиной, оказывается два, а то и три, что несомненно меня огорчает.

Но сегодня и сейчас стою перед зеркалом, уставшими и строгими глазами своего отца смотрю сам на себя. Наношу пену на руку, как в рекламе. Потом на лицо, с душой так. Никогда не понимал для чего её так много, а отец мой всегда чуть мазал, только кожу покрыть. Брал он далеко не модный гель, а самый настоящий кусок хозяйственного мыла, погрызенный дворовыми крысами. Ножом срезал стружку в чёрную от копоти алюминиевую кружку. Кружка раньше в бане служила, оттого и чёрная, воняет печкой, гарью и чужими тётками. В кружку – немного воды, самой горячей на свете. А потом кистью, широкой, для бритья. И ей уже размазывал, обжигая себя горячей пеной. А я что? Я не как он, просто

выдавил да мажь. Станок для бритья у меня такой–же, фирмы «Рапира», Т–образный, в нем еще эти модные лезвия для суицидников. Прогреваю станок под горячей водой – так он будет брить нежнее и казаться острым, плюс кожу под собой распарит. Первое движение – с правой щеки вниз, слегка надавливая. Батя всегда говорил, не брить против шерсти, а то всё, кровавая баня. Я слушаюсь, иду по росту. Щека побрита, бритва подъезжает к носогубному треугольнику. И я впервые надул щеки и губы, чтоб разгладить кожу и побрить тщательно. В зеркале все чётче виднелся мой отец. Уставший, только со смены. В момент, когда я надул щеки, кажется, я все понял о нем. Если раньше он мне казался большим и грозным великаном, то сегодня это был тот самый коллега по цеху, с которым вместе и в курилку, и по бабам.

Я помотал головой, чтобы откинуть мысли прочь, прогнать моего отца обратно на любую кухню во вселенной и снова стать хозяином своего отражения. Вытираю лицо полотенцем, беру с полки старый флакон с советским одеколоном. У друга был ремонт, нашли в старых шкафах. Пахнет настолько отвратительно, что даже немного приятно – без сюрпризов. Вот назван он «Огуречный» – такой и есть. Зеленый, едкий, приторно–свежий. Но за приторностью его очень умело скрывается спирт, который немедленно начинает грызть кожу моих свежевыбритых щёк. Сегодня я шикарен, каким и должен быть. Сегодня я иду к моему новому другу на пару этажей ниже. Лёха его зовут, душевный

парень, хоть и алкаш. Пришел в мою жизнь из диагонально противоположной вселенной – с мусорного бака. Он лежал напротив улицы Восстания, за старой девятиэтажкой, где находится ограждённая бетонными стенами мусорка. Он был тоже прекрасен, но по-своему: обёрнутый старым пледом, воню и своим девятнадцатилетием. Удивительный возраст для бездомного животного. Я был крайне удивлён, когда нашел его таким. В моем кармане была бутылка лимонада, а в руке бутылка водки. А у него как раз пусто и в желудке, и за душой. Так и разговорились.

Как открылось мне в разговоре – Лёха необычный персонаж. Crazy или stupid – я еще не решил окончательно, однако он был тем еще кремнем. Его мать была прекрасной женщиной, ибо о мертвых либо хорошо, либо никак. Жила себе красиво, любила цветы и алмазные мозаики. Потом в её жизни появился мужчина, ибо куда в нашем мире женщине и без мужчины, как они считают. Какого Бог послал, тот и есть. Вот она с этим гимном и прошла свой путь к могиле. Ёбнул он её по пьяни при Лёхе и сестре его Танюшке. Ёбнул и насиловал до утра, пока Лёха с сестрой прятались. А когда мать остыла – пошел их искать. А утренняя весенняя пора заставила аллергика Лёху чихать в шкафу – нашли быстро. Лёхе перебали бутылкой, а сестру он просто прижал ногой к полу и душил. Потом и её изнасиловал. Отчим уже кряхтел от злости – а сестра кричала. Ну отчим сестре её же руку в рот заложил и скотчем перемотал, чтоб не орала. Позже

всё—таки приехали менты, убрали труп. Сестру — в психушку, Лёху — вон из хаты. Не хотел он тоже к психам, сбежал. Да и хата съёмная была, её ещё сдавать людям. Сам понимаешь. Там, где начинаются бабки — заканчивается мораль. Вот Лёха уже две недели на улице живет. Сидит тихо—тихо, ничего не говорит, боится. Рот весь в запечённой крови, стекло, наверное, жевал. Так испугался, бедненький, что более ни слова не лопочет. Опять чихнуть боится не вовремя.

А я один давно совсем. Живу и умираю. Были у меня девушки, много было, но ни одна все мои дыры в голове так и не смогла заклеить. Друзья ушли — придурки они. Ничего не понимают, всегда смеялись только надо мной. Зато Лёха вот — бриллиант. Ему хоть что—то послушать, лишь бы отвлечься от своего бытия. Промычал мне одно только, мол, когда слышит голоса снаружи — они закрывают крики внутри. Ну я и завёл его в свой подвал — покажу ему свободы немного, да и сам разговорюсь. Решил, что потравлю свои истории из жизни, вдруг сможет отвлечься человек. Все равно ему немного на вид осталось, пусть перед уходом хоть поговорит со мной. Хотя бы он — всё равно. Лишь бы в подвале тепло было, и мы с ним поговорим.

Ключи от подвала у меня всегда были. Я подрабатывал дворником и по—совместительству вышибалой бомжей из подъездов/парадных/бесплатных секс—аудиторий или как там вы все их называете. А как ушел — копию ключика себе оставил. Всяко пригодится какую—нибудь встречную—попе-

речную на экскурсию сводить со всеми вытекающими, вот и решил сохранить на всякий случай.

Мы шли с Лёхой вниз. Шаги отстукивались в такт биению в висках от вчерашнего похмелья. Я долго ждал этот разговор, наверное, всю свою жизнь. Оттого и побрился утром, что если вдруг вечер закончится плачевно для одного из нас, то пусть он уйдет красивым, будь то тот свет, или этот.

Открываю дверь – она плачет. Громкий визг и истерический смех. Казалось, что в этом скрипе вся палитра эмоций. Лёха прошмыгнул внутрь и уселся на старый стул. Убранство моего тайного логова было скромным, но антуражным. Стол, украденный у закрывающейся местной кафешки, пару стульев с мусорки и тележка из продуктового магазина, в которой я носил найденные мной одеяла и куртки, приличные с виду. Я их, конечно, стирал, но воспоминания о чужом запахе на них остались еле видимыми желтыми пятнами.

Хлопок двери и всё. Назад дороги нет, впереди нас ждет рассказ, очень долгий. В этой комнате теперь я и он – как единое целое. Наконец я нашел его! Этот человек выслушает всё, что я ему скажу. Он никуда больше отсюда не уйдет. Мы теперь не Алис и Лёха, мы теперь – один организм. Мы – это комната с торговой тележкой. Мы – это жизнь наша. И мы шагнули на свою последнюю дорогу, где хлопок двери – это первый шаг.

Ну о чём же мы поговорим? Да, Лёха, ты прав. Каждый из нас – животное. Животное со своими страхами, надеждами

и грёзами. Мы ужасные, уродливые и больные – ты и я. И поэтому я расскажу тебе о телах, что встречал в своей жизни. О да, ты ведь любишь тела? Точно любил, до недавнего случая. Девушек, ladies, madams, pussies, whores – ты всех любишь и любил. Так давай напоследок я расскажу тебе о них.

Перв. примен.

9300

Лёха, ты заебал, слушай если я рассказываю. Вот с тобой что ни разговор, то уныние сплошное. Тебе рассказываешь—рассказываешь, а ты то ногой трусить начинаешь, то взгляд отводишь, то в стену втыкаешь. В глаза мне смотри, собака подмосковная, когда я с тобой разговариваю. Ишь ты какой, интересный гражданин, тоже мне. Ну так вот. Присаживайся поудобнее на вон ту табуретку, двигай её сюда и садись. Прости, что заранее не перевернул её для тебя. Ты просил меня рассказать об отношениях с моими дорогими и не очень ladies? Просил ведь, да? Ну так слушай! Я тебе столько всего расскажу, ебанёшься. Там одна веселее другой. Не такой богатый опыт, конечно, как у тебя, но рассказать есть что, это точно.

Я вообще со стародавних времен своих к девушкам внимание питаю, да вот только в школе никогда этим не пользовался. В школе я был хорош, но лишь снаружи. Внутри я был забит и зачухан. Мои интересы всегда были только лишь моими интересами, и никто их не разделял толком. А кто разделял – того пиздили беспощадно. Меня вот только не трогали, уважали немного. Я корешился с лидерами своего класса, и они мои интересы всегда явно принимали за дурь, которую талантливо и постепенно выбивали из меня. Хорошо вот в наше с тобой время жить! Очки носишь – ты стилёвый, а не очкар. Смотришь аниме – мать дома не грустит, все знают, что это норма. А в те времена все вокруг стреми-

лись выколотить из себя всю «дурь». Я в приличной школе учился, мы, почитай, и не дрались толком. Так – моральное угнетение с лёгкой ноткой доминирования, не более. Так и жил я. Старался уметь воспринимать чужое в ущерб своему. Интересные времена были. И знаешь в чем прикол? Уже тогда меня на стерв тянуло. Найду какую–нибудь сумасшедшую да влюблюсь до беспамятства. Шестой класс, а я сплю и вижу, как мы с моей шестиклассницей встречаем закат на каком–то лайнере...

Да хорош ржать, Лёха! Я тогда ещё не знал, что любовь – это гораздо сложнее, чем просто яхта, лайнер, кемпинг, сквиртинг и прочее романтическое мракобесие. Ну так вот... Не перебивай меня, слушай! Влюбился я в неё, как олух. Ты запоминай! Когда я стану старым дураком, ты приходи ко мне и пересказывай это. Ты моложе меня, немного. Хотя, как ты придёшь, сам–то при смерти.

Ну так вот... Ходил я за ней постоянно. И с ума сходил. Нравилась она мне. Такая тонкая вся, лаконичная, тупая, смешная. А глаза какие! Господи, если бы я мог, то я бы обязательно выковорил их из её черепа, облил бы пластиком жидким и носил бы с собой, как брелок. Смотрел бы на него в метро и дома, настолько они красивые! Синие–синие такие, аж светились. Она танцевать любила, я всё время смотрел на неё сзади, «лаконичность» оценивал. Нюхать её любил очень. Так и нюхал её до выпускного класса. Пол города её ебали, а я её нюхал. Духи запоминающиеся были, она ими

рано пользоваться начала. Рано духами и поздно лифчиком. Мне кажется, я поэтому и такой высокий, что всё юношество пытался посмотреть ей через плечо в разрез футболки, разведать обстановку. Я в те годы сиськи только на картинке и видел, а потрогать мог разве что в автобусе плечом случайно, и то у тётки какой-то взрослой. А у неё нет, ни за что и никогда, смотреть только пытался. Она была серьёзная такая вся, недоступная для меня. Мне нужно было срочно разработать план действий по захвату этой мадам. И, признаться честно, пытался сделать это несколько лет. Но попытки некоторые такие тупорылые были, что представить страшно. Вот одна из них.

Мой дедуля часто копался в мусорках в поисках чего-нибудь интересного. Такой вот человек, он дом так и построил, в принципе. Собирал всякое. И вот однажды, ошиваясь у очередного мусорного бака, он находит открытку полу-эротического содержания. Ну и куда же её деть? Да конечно же подарить ещё не сформировавшемуся как личность внуку, подарив мне с этой открыткой кусочек взрослой жизни. Принёс он её к нам домой. На ней был моряк и тётка, вроде. Как он мне её подарил, я её в тот же момент под кровать и кинул, попахивала вроде, не помню. И вспомнил я про неё аккурат перед её днём рождения. Родители всё никак не могли догадаться (или могли?), отчего у меня эта циферка обведена в календаре. И вот сижу я в комнате, смотрю на календарь, на котором завтрашний день обведён красным, потом на рабо-

чий стол свой. Хороший, учебный, железный, весь ржавый и облезлый. На кровать смотрю – там хлам. А под ней же – мои сокровища! Там плесень, сырость, коробка с картриджами, пара порно–журналов, книжка для юных джентльменов и открытка! Но на тот момент воняла уже жутко. Запах помоечки исчез, на его смену пришёл запах сырости и плесени. Выбора особо не было, да и не видел я ничего такого в этом страшного на тот момент, мелкий ещё был. Достал открытку, взял баткин одеколон и набрызгал её так, что та вся вымокла, кое–где даже насквозь. И в книжку убрал! На утро шлейф стоял на весь дом, лютый такой. Казалось, что воздух тебе немного урона наносит каждую секунду. Запах не цитрусовый тот был, не облепиховый, не огуречный, а БАТЬКИН ПРЯМ. Вот он так к маминой маме знакомиться приходил. Так же пах, как эта открытка. Один в один. И выбрит ещё был, гладко–гладко.

Наступил день икс. Была зима и она раздавала всем конфетки, я у окна сидел. Станный весь такой, но с подарком. Я подождал, пока она дойдёт по рядам до меня и начал своё злодейство. Попросил её постоять, весь класс смотрит на неё и на меня. Господь боже ты мой, я вспоминаю и мне стыдно по сей день, а ведь прошло уже 14 лет. Достая эту открытку из рюкзака и вонь лютая на весь класс. Пахло так, будто я этот одеколон грёбаный вчера не в открытку наливал, а в себя. Короче не поздравление, а один сплошной amazing. Она вежливо улыбнулась, сказала «спасибо» и взяла открытку. И

тут Андрей, мразь такой, как закричит «О, смотрите, втюрился Алис наш». Я гавкнул в ответ, он вроде притих. Разговорил меня через месяц, правда. По-дружески я ему всё рассказал, по-пидорски он это рассказал всему классу. Каждая мышь в нашем классе знала, что я в Катю влюбился. Он обрёл популярность, а я бремя никогда больше с ней не разговаривать. Так его и проносил, пока она не сошла с ума и не начала ебаться направо и налево, неся через каждого мужчину венерические заболевания и свою личную стоеросовую тупость. Говорят, жива ещё.

Наверное, к ней и вернее всего отнести такую штуку, как «первая любовь». Интересность сего мероприятия в том, дорогой друг, что она почти всегда беспроглядно тупа, как эта lady. Но параллельно с ней были и еще варианты. К сожалению, я ими не воспользовался, ну или сделал это чуть позже, чем нужно.

10.5.A

Грёбанный день города в моем сумасшедшем от старости и простоя селе. У тебя, Лёха, по-любому такая же херня была. Ты, когда мелкий был, выходил гулять туда просто потому, что в остальные дни в городе было нечего делать от слова совсем. Ну вот и я такая же херня. Вату втрепать сахарную, беспонтовые шарики-фонарики в беспроигрышных лотереях, салют вечерний на пять минут и прочие гадости. Я впервые при бате выmaterился, кстати, на таком салюте. У меня был кнопочный телефон, до ругательств лагучий, и я снимал салют. Батя стоял за спиной, и когда салют кончился я поставил камеру на «STOP» – телефон выдал ошибку. Я тогда так сильно огорчился тому, что не смогу маме дома показать видео с салютом, что громко и чётко крикнул слово «блять». Батя ухмыльнулся только, и я пошел за ним в машину нюхать как он курит.

Ну так вот, о чём это я... Ах да, знакомство в этот день. Мой многоюродный святейший брат гулял тогда по городу, а с ним две эти шкурки шли. Встретились, познакомились. Стоят они у него за спиной, смотрят на меня так хитро и недобро, улыбаются. Ну я думаю «чёрт с ними», тут сейчас будет выступать на сцене какая-то девушка, которая, когда-то пела с кем-то из какой-то известной группы, на неё лучше посмотрю. Всё равно этим ladies я не смогу предложить ничего больше, чем лотерею за 20 рублей и пару отцовских анекдотов.

Да Лёх, про двух геев в бассейне, всё верно понял. По глазам твоим, собачьим, вижу, что ты его знаешь. Всё твой отчим ебаный тебе бедолаге жизнь испортил, анекдотами да насилием, а вот у меня есть отец, настоящий, русский, пьющий и бьющий.

Но ты прикинь, они меня нашли. Эти ополоумевшие свистнули телефон у моего брата и познакомиться хотели, мрази. Он им и печенье вкусное купил, и газировки всякие, может даже пива добыл, а они с ним так жёстко, не по-человечески – по-сучьи обошлись. Из этих двух девушек была одна, Польша её звали, нормальная такая. Ну как, когда я был в старшем классе она стала нормальная для меня, видимо вкусы упали. С той встречи на день города прошло много времени, но она про меня помнила очень долго. Узнала меня спустя много лет, я к ней в магазин за свиной рулькой пришел. Договорились встретиться после работы с ней. Прикинь, в одном здании работали.

В смысле это не интересная история? Не верти головой! Ты мешаешь тебя стричь! Ну вот, видишь, как ровно получается! Загляденье, ну жених прям! Лёх, ну ты, конечно, морда охреневшая. Ты хоть знаешь, чей я сын? Божий. Сиди и слушай, раз просил.

Слушай, помнишь же её? Она ко мне подкатывала как могла. Да и я был не против, но я был идеалист и не мог никак найти с ней точек соприкосновения, кроме её рта и всему остальному, что к нему прилагается. Вот она классная

была, часами меня мучала в подъезде. Ластилась ко мне, жевала губы, царапала шею. Я тогда так её налупался, псина я беспонтовая, что не мог на неё смотреть дня два, а потом снова приезжал к ней. В какой-то момент я надумал уезжать из города и как истинная мразь поискать в нем новые лица, которые можно бы было ласково погрызть. А тогда еще социальная сеть была эта дурацкая, где вопросы можно задавать анонимно. Я думал, её у неё нету, ну и прилетает мне там вопрос, мол: «Девушка то у тебя есть?». Я уши развесил, думаю, нихуя я популярный, ну и отвечаю «Нет». В голове это звучало таким мерзотным писклявым голосом, хотя я и вправду был еще той гадостью.

А оказалось, само собой ебать, это она меня проверяла. Да, Лёх, ты прикинь, я ещё и умудрился из-за этого на неё наехать! Я говорю, мол, ты чё, Полька, ебанулась? Мне и не доверяешь? Да я чист, как весенний листик! А ты меня, такого белого да пушистого – и проверять? Ну не быть тебе невестой, звезда сумасшедшая.

Ох, какая же я мразь, я тебе кричу Лёх. У меня пол жизни было главным увлечением *madam*–ам в ушки их розовенькие ссать. Так я и в этот раз поступил, выкрутиться попытался. Она меня изводила в этом грёбанном подъезде каждый раз, но до конца дойти не давала. Мышь рыжая. Ну мне и обидно было до боли, что так и не трахнул её там же. Но сейчас, оборачиваясь назад, я понимаю, что правильно я все сделал. Мой первый раз был бы безнадежно испорчен, будь это с ней

в вонючем подъезде. Да и в её голове я остался мразью, что несомненно верно.

А чё, реально! Какого хуя девушки думают, что первый раз это что-то особенное только для них? А я что же? Им, чтобы его получить, нужно просто выбрать любого и пару раз кивнуть головой. Хочешь похожего на любимого актёра? Пожалуйста! А по-любви? Вообще легко! Не факт, что это будет взаимная любовь, но исключительно из уважения молодой человек недалёкого ума с радостью подарит тебе вечер эмоций.

А нам, парням, нужно русалку на шпагат посадить, чтобы просто разговорить! Про сексом потрахаться я вообще молчу! Для нас первый секс почти всегда это как бутылка вина, которую ты пол дня открывал без штопора всеми подручными средствами. Ты уже и вычитал, как двумя ножами по-цыгански её открывать – не вышло. Пальцем давил, отвёрткой вскрывал – никак. Зато, когда ты пьёшь это вино, ты чувствуешь, что ты его реально заслужил. Ты боролся за него, ты выдумывал для него. И если для нас первый секс – это заслуженное, то signorina воспримет это как позволенное. Короче бросила меня она после этого.

10.5.A

Б (цв)

Да сиди ты ровно, твою мать! Вот – смотри какой ты теперь красавец! Того и гляди будешь у меня madams отбивать. Лысенький какой – держи за подстрижку шишку!

– А, вот еще что вспомнил. Помнишь Арину? Аринка, ну, ну, фоточки любила, я, когда школяром был пошёл на анимку однажды. Это у нас в городе сходки так назывались. Люди с определенными интересами и отречённые от социальной жизни встречались вместе и пытались создавать вид общения. Была там одна такая Арина. Фигура офигенная, брюнетка с огромными голубыми глазами. Знаешь, мне всю жизнь рвёт башню с голубоглазых девушек. Ну вот поплёлся я за ней. Повстречались немного. У нас была арка одна, около её дома, где мы болтали часы напролёт. Встречались обычно после школы. Я очень сильно там уставал и часто по пути к ней для бодрости духа я накатывал ложки четыре кофейку с водой и ледяной душ. Мечтал показаться ей интересным, разговорчивым и активным. Вспоминаю – аж смешно. Целовались с ней даже – она еще сказала, что ей не понравилось. Мол не умею. Ну откуда мне уметь, к своему восьмому классу школы у меня и девушки то толком не было, а тут прям языками драться предлагают. По итогу мы повстречались с Котовой две недели, в конце которой она сказала мне, что я позер и педовка. В ответ на её необоснованные измышательства я надел батину косуху, перчатки без пальцев с какардами для усиления, сказал ей, что я панк. Ушел плакать. Пиз-

да она тупая, ничего не понимает за стиль. Убедился в этом буквально через пару лет, когда она вышла за военного.

Да, Лёх, военный. Прямо как твой батя.

Я провел наждачной бумагой по свежей лысине Лёхи. Слегка надавил – чувствую череп. Такой неровный он, весь в буграх. не раню – только трогаю. Через наждачную бумагу он кажется немного правильнее.

– Ой, потом что началось – я повзрослел. Школа дала мне рок–н–ролл, аниме и выпивку. И часы прикольные, в отражение которых я видел своих одноклассниц. Покупал по три валентинки каждое 14 февраля, из которых дарил одну от силы. Потому–что я ссыкло был. Не умел я, а точнее боялся. Это через годы я думаю о том, что подари я эти чёртовы валентинки тогда, может, поговорил бы с кем. А то все пацаны в классе лютые, у кого мотик, у кого тачка, у кого стиль, у кого бедность, у кого мышцы. Каждую перемену подкаты к одноклассницам. Один даже довёл одноклассницу до того, что её родители ходили к его, и вместе к директору. А я тих был, скромн и в меру задушен обстоятельствами. В голове эхом отзывались слова «ты не сможешь, педовка, не умеешь, маленький еще». А к кому еще прислушиваться, кроме как к своей голове?

Я недавно, прикинь, в группу класса своего зашел, и знаешь че? Там тысячи фоток, и я есть лишь на двадцати от силы, ну либо на общих. Весь школьный движ я в стороне провёл, а весь мой рок–н–ролл был только, как оказалось, у ме-

ня в голове и в комнате. Потом я только узнал, что меня даже взаимно любили те, в кого влюблялся я. Восторг был огромный, но время всё равно всё разрушило, а своего я взять так и не смог. Эх, если бы я тогда хотя-бы попытался... Ну да ладно.

Всё равно, как практика показала, от этих «женских тёлочек» проблемы одни. Сквозь время понимаешь, что наша жизнь – это просто чья-то злая ёбаная шутка. Все эти попки, аккуратно обёрнутые джинсиками да сарафанчиками только и делают, что отвлекают тебя от реально важных вещей, таких как покорение космоса и мировая революция. А с другой стороны в пубертате страшнее всего оставаться в стороне от активной половой и не очень жизни. Очень забавно смотреть на сельских ребят сейчас, которые в социалки кидают фотки с презервативами и алкоголем, типа: «Оооо, подрочу, попью и лягу спать».

10.5.A

Ну и romantic story тоже были, правда короткие все до безумия. Любовь в детском лагере, ну куда же без неё. Её звали Даша. Хорошая девочка Даша, старше меня на три года. Как только она мне сказала, что я ей нравлюсь – тут же она показалась мне очень интересной и красивой. Благо это был тот редкий случай, когда оно так и оказалось. Слушай, настолько все классно было, что я и по сей день думаю, что она где-то там, далеко сейчас. Одинока и ждёт меня, настолько я её в голове душевной своей идеализировал. Её образ навсегда отпечатался прям, ведь это был первый человек, который ответил мне, пусть и притянутой за уши, но взаимностью. Мы гуляли с ней, пытались проводить время вместе, находя тихие лавочки. Не целовались даже. Над нами взрослые подшучивали и говорили: «Ну вы хоть за руки возьмитесь». Потом брались, иногда. Сидели на лавочке – я брал её руку и гладил. Это всё, как я мог проявить свои чувства. В моей голове тогда было то, что для больших проявлений чувств нужно быть ближе и провести вместе больше времени. Но времени то было всего пару недель. И это был первый жизненный урок, связанный с противоположным полом для меня, а именно: «Не трать время на кого попало, иначе не останется времени на кого-то действительно важного». Она была интересной, мы подозрительно сильно были с ней похожи. Тогда не было мессенджеров, а СМС стоили неприлично дорого, особенно за пределами города. Поэтому весь лагерь

тогда обменивался информацией в виде картинок.

В смысле, ты не знаешь такого? Ты ведь младше меня всего на год–два, ты чего?

Да короче, раньше не было ни хрена, и мы выживали как могли. В детском лагере или в школе мы переписывались при помощи картинок. Смысл в чём: мы брали картинку, переименовывали её в то, что хотим человечку написать и отправляли тому, у кого сейчас открыт Bluetooth. Интересное время было. Тогда у нас было только «ничего», и из этого «ничего» мы пытались создать «нечто». И самое интересное было как раз в процессе создания. Это было непревзойдённо круто! Я до сих пор помню этот момент, когда в мою комнату вошел грустный брат и сказал, что я ей нравлюсь. А ведь он так много сил приложил к тому, чтобы сблизиться с ней. С собой нам немного денег в лагерь давали, и я помню, как он стоял в очереди, чтобы купить ей самые дорогие пирожные. Купил – не взяла. Села на диван в холле. Я, как услышал это аж задрожал немного. Сел напротив неё.

Улыбается и смотрит на меня. И я на неё, как придурок влюблённый.

Открываю телефон – переименовываю картинки. Получаю от неё. Такая вот переписка была:

«Даш, как твои дела? Мне тут кое–что сказали.jpg»

«Привет, кажется я знаю, что тебе сказали.png»

«Ты мне нравишься, если честно.jpg»

На этом моменте я настолько сильно вжался от страха в

кресло, что, казалось, начал чувствовать доски, из которых оно сделано и будто весь был окутан обивкой.

«О боже, каж я тоже влюбилась с первого.png»

«взгляда. Это такое прекрасное. чувство.png»

«Я тоже тебя люблю.jpg»

И вот так мы еще долго обменивались картинками, значащими для нас гораздо больше, чем набор пикселей. Тогда картинки несли гораздо большее значение, чем сейчас. Мой брат даже стихи ей писал таким способом, кстати. Всё равно ничего не вышло. Но в оправдание хочу сказать, что он, в отличие от меня, сейчас женат и счастлив. А я как был безумным кретином, так им и остался. Мои тараканы в голове отрицают сейчас любую науку, стараясь как можно дольше остаться в детстве. Вот, Лёх, ты ведь смотрел раньше мультики? Ты помнишь тот день, когда перестал над ними плакать? Вот – запомни этот день! Этот день и был первым шагом в сторону твоего становления чудовищем.

А что с Дашей в итоге... в последний день мы разъехались по своим городам. Я помню эти два автобуса, уезжающие в разные города. Поставили еще, пидоры, как назло, параллельно друг другу их. Чтобы мы, когда уезжали, видели лица друг друга и разъезжались, как в Форсаже. И вот наши автобусы стоят, все прощаются друг с другом. Она подошла ко мне одной из последних, как помню. Оттягивала момент до последнего. Подошла ко мне, обняла меня и легонько чмокнула в губы. Я шепнул ей: «Мы обязательно встретимся».

Так и не встретились.

Я помню конец этой истории, к сожалению, не такой приятный, как хотелось бы. В книжках нет таких историй, потому что они не интересные.

Но мне кажется она интересна тем, что у каждого есть подобная. И каждый, услышав или прочтя это, вспомнит что-то своё.

Я на это очень надеюсь.

Ну не плакай, Лёха! А, это кровь? Сильно наждачку надавил? Да не ссы! Так голова ровнее будет, отшлифованная! Красивый будешь! Ты, главное, это – со стула не вставай. Хотя, как ты встанешь – верёвки вон какие, крепкие. Я их сам плёл. Ты, главное, слушай! Дальше то самое интересное!

Время шло, и я вернулся домой, к моему большому сожалению. К слову сказать, я ездил в этот лагерь с моим лучшим другом, и он, как истинный скот, решил взять на себя роль воспитателя и рассказать мне, что все это – просто фарс. В мою первую бочку с дерьмом окунул меня именно он. Сидя у него дома я рассказывал ему, попытавшись в очередной раз ему открыться, что я до сих пор переписываюсь с этой девочкой, и мне очень нравится. И он как начал затирать, что мол, вот, у тебя ничего не выйдет. Она на расстоянии находится, а ты ей нахуй не нужен. Ей нужен другой, и он у неё будет. Ей нужен кто-то рядом, но не ты. Она просто играет с тобой, чтобы ей скучно не было. Да блядь, ты видел её? Она стрёмная, ты чё, ебанутый?

Я очень сильно разозлился на него. Наверное, это была первая наша ссора. Ненавижу, когда меня учат, понимаешь? Дайте мне самому разьебаться о проблемы, которые я построю своими решениями! Ведь иначе я просто ничему не научусь. Как папаша завещал – пизды получай да учись. Да тут даже и не в этом дело было. Ведь она не стрёмная была. Совсем не стрёмная. Он просто не туда смотрел. Он её ебать хотел, а я за руку держать, понимаешь, Лёх? За руку. Всего–то. С тех пор руки сравниваю. Какую девушку за руку не беру – тотчас глажу, сравниваю с той, атласной прохладной 16–летней ручонкой. Первая взаимность в моей жизни, невероятно тёплое и доброе чувство, которое послужило началу огромной ненависти в жизни. Всю жизнь, думаю, искал подобное.

А тем самым, время все также продолжало неутомимо бежать и давать мне подзатыльники за каждый мой проступок. Я влюблялся и ненавидел без продыху. Мечтал ухаживать за кем–то красивым и мной любимым, романтик был и придурок.

10.5.A

Но не переживай, Лёх, продолжилось это недолго, лет двадцать всего. Поначалу я каждый день ждал чуда. Каждый день ни хрена не получалось ни с девушками, ни с учебой, ни с друзьями. Каждый очередной день превращался просто в борьбу с малолетними предрассудками выйти в окно и больше никогда никому не докучать, но искры моей надежды на светлое завтра помогли мне идти дальше. И знаешь, что я решил? Я начал писать записки сам себе, чтобы потом сшить это в книги!

Однажды я решил, что уйду, как только стопка написанных мной книг поможет мне наконец достать до виселицы. А пока – я буду бороться, как и боролся до этого. Изодня в день буду душить и убивать себя вчерашнего, чтобы сегодня вновь родиться настоящим.

А ведь и правда. Сколько я себя помню – всё это была одна большая борьба.

А ведь с чего все началось то? Наверное, всё-таки с Дня ебучего Валентина. В школе. Было это примерно так, за неделю до «праздника» на дверь нашей пионер-комнаты вешали монструозного вида коробку. Она была огромная, рассчитанная где-то на тысячу или две разбитых сердец. И вот, каждый год я заходил в цветочный магазин и покупал одну-две валентинки. Подписывал кому, но никогда от кого. В моих мечтах явно виднелась картина, где девушка сильнее меня, и она всё-таки подпишет эту долбанную валентинку,

и мы будем вместе. Но так никогда не было. Более того, я никогда и не решался положить валентинку в эту странную коробку. Ходил вокруг неё, топтался на месте, всё пытался сам себя сломать и подойти к ней. Казалось, будто у этой проклятой коробки десятиметровый ров, полный крокодилов. Хотя переплыть такой ров и то было бы легче, чем просто взять и положить туда эту дурацкую картонку с моими странными надеждами. А еще вдруг пацаны спялят и всё – конец моей прекрасной lone wolf life. Сразу же вопросами затопчут, жизни не дадут. В голове эхом проносился случай с тем одноклассником, который разболтал всем о том, что я Катьку любил. Пусть это и было невероятно давно – забыть я это всё равно не мог.

Даже смешно за себя тех времён, ух как подзатыльник бы дал сам себе, чтоб искры из глаз. Так ведь и не подарил никому. Одно скрашивало мою бытность – томительное ожидание того, что кто-то заметит меня и подарит мне эту дурацкую картонку. Но никто так этого и не сделал, до самого конца школы. Обмазанные гелем для волос и плотно промаринированные спортивным питанием пацаны имели эти картонки в избытке. Симпатичные девочки моего класса раскладывали их перед собой на столе, хвастаясь у кого больше. А я сидел и рисовал. Рисовал ад и ужас в стиле dark guro! Месиво, чтоб они все сдохли, все эти лизоблюды вокруг меня, но обязательно, прошу, Боже, обязательно, пусть перед своей гибелью они заметят меня.

10.5.A

Лёх, не только я страшный, но и мир вокруг нас. Все страшны, не смотри на меня так. На кого не посмотри – этот страшен глупостью, этот страшен внешне, а этот – внутри. Сгнил давно и воняет словами, что вырываются из его уст. Все страшные, а я всего лишь хочу избавить их от уродства. Мы с тобой – всего лишь наблюдатели этого мира. А если наблюдатели умрут, то и мир падёт. Он ведь существует только для тебя и меня. Мы – последние настоящие люди. Нещадным и странным кажется то, что мы сидим и вот так вот глупо убиваем друг друга, но у нас просто нет выбора. Мы должны спасти этот ёбанный мир. Это как поцелуи в метро, странная вещь, весьма.

Знаешь Лёх, почему кстати я никогда больше не целуюсь в метро? Это ведь почти, если подумать, как перепихон в ржавом лифте. Приятно, но ждёшь какой-то пиздец. Так и тогда случилось. Я сидел со своей lady и ехал на некое свидание. Я был мал и очень любил её пухленькие губы. Кусать их, жевать, пробовать на вкус и искать в них новые оттенки мягкости. И, о да, я снова это делал, как вдруг подлетела какая-то старинная вагина и дернула меня за воротник так сильно, что подняла ненадолго надсиденьем. Я охуел, вот это наглость! Так она еще смотрела так, хитро и недобро, прям в глаза. Я думал, что она сейчас меня тоже засосёт и всё это превратится в ебанный артхаус, но нет, она всеголишь прокляла меня на словах и вышла из вагона, размахивая во все

стороны раскрашенными в фиолетовый щеками и важным ебальником. А я сижу, смотрю и думаю, хуле ебальник то важный такой, оба ведь в метро едем.

Стрёмные моменты в жизни случаются, бывает. Страшные, но азартные. Такая была Леська, исчадие ада блядь. Вот она реально олицетворение всего самого странного, что есть в женщинах. Если, конечно, слово «странная» применимо. Я бы сказал, что она скорее ёбнутая, нежели странная, но не буду.

Во, вот её фотка. Ну не смотри ты на меня так, Лёха! Ты же сам знаешь, что всё может быть вагиной, если ты достаточно смелый.

Ну да, так и есть. Я обижу всех «странных» людей, если её так назову. Совершенно больная на голову девушка, слегка «+size», немного «-brain». Ну так вот, слушай. Че с ней было, закачаешься. Познакомились как обычно, в тырнетах. Леся, думаю, и Леся, ну чё с неё взять. Переписка очень быстро перелилась в облизывание достоинств друг друга, и было решено срочно увидеться и посмотреть на половые органы друг друга поближе. Присылала фотки, а там соски торчат, голые, как святые. Острые такие, холодно, наверное, ну или голодная. Пиздос, конечно, это было неожиданно. Как-будто с экрана прям меня облили ведром ледяной воды. Ну я такой, говорю: «Хаха, у тебя тапки криво лежат». Типа каждый день такое вижу, сдержался. Да знаю я, Лёх, разводняком воняет, но я очень люблю копить интересные истории.

Ты ведь знаешь, как это бывает. Сидишь с друзьями, бухаешь, болтаешь. Как говорится – за жизнь туманную, за кашу манную, за четверть без троек, за тёлок без доек. Шутёхи травите, трещите. А тут ты со своей историей как залетаешь, как разносишь всех, вообще кайф.

Вот и я о чём, поэтому я к ней на встречу и поперся тогда, прикинь. Приключений захотелось. Напиздел ей с три короба, что я, мол, известный в узком кругу меценат (ну или если сказать по-другому иногда покупаю порнографические архивы малоизвестных моделей в интернете), автолюбитель (у друга тачка есть, люблю, когда меня возят) и, конечно, рекламное лицо мази «календула» (потенциальное, хотелось бы, но там бабку какую-то взяли). Заинтересовалась мной рита. Через недельку она написала мне, сказала, что сняла для нас отель и хочет поговорить просто. Для того, чтобы разговор лучше ладился она взяла с собой прекрасное разговорное вино и интересные переговорные чулки. Я отнекивался долго, но потом она сказала, что заказала еще пива и пару вёдер жареных крыльев и тут уже не выдержала душа поэта и я помчался в отель к ней, крыльям и пиву, отринув домашний уют и прикольные мультики. Так что, можно сказать, что у нашего Купидона были куриные крылышки в хрустящей панировке.

Охренеть как далеко это было от моего дома. На метро час, наверное. И от метро еще по бомзам и наркоманам минут сорок пешком. Я решил не испытывать судьбу и от бли-

жайшей станции метро взял такси. Не пристегнулся, таксиста оштрафовали, выслушал от него, пожаловался в приложение, получил бабки обратно. Но главное для меня в эти моменты было не это, а то, что я еду в грёбанную неизвестность, оставляя за собой свой так любимый покой. Вот всё-таки, как легко купить мужчину? Пиво, ведро крыльев да пара раздвинутых ног и всё – он в вашей власти. Лепи из него чего хочешь.

Я подходил всё ближе к этому злачному отелю, и, чёрт возьми, он был похож на башню Саурана, только без огромного глаза сверху и вулканов. Разве что разбитые дороги и лес вокруг выдавали то, что мы всё ещё в России, а не в Мордоре. И орки там тоже были, ходили забулдыги у отеля. Бродили, мелочь просили, бухали. ОТЕЛЬ был огромным и красивым, и даже странно выглядело, что столь ухоженный отель просто так взял и оказался посреди леса. Уже была почти ночь и сделал шаг внутрь этого злачного места. Внутри все было тихо, эстетично и спокойно. Я окинул взглядом помещение, и не обнаружив никого из персонала быстренько прошмыгнул к лифтам, чтобы не тратить время на сканирование паспорта и прочей ерунды. Да и стрёмно мне было немного. Она была в ужасном настроении и долго не брала трубку и не отвечала на мои сообщения. Я ехал исключительно по наитию, зная лишь адрес отеля, этаж и номер её двери.

Лифт проиграл мелодию и открыл свои двери прямо на её этаже. Я вышел из него, и по указателям примерно ориен-

тировался, в какую сторону я должен идти. Вышел в длинный коридор и начал бояться еще больше. На этаже стояла гробовая тишина, свет был сильно притушен, горели только бра, тускло освещая красные ковровые дорожки, уложенные в коридоре. Пытаясь перебороть внутренние сомнения и поддаться куражу, я сделал шаг в неизвестность, потом ещё один, потом ещё... И вот я уже топаю по направлению к заветной двери. И, наконец, вот он, шестьсот двенадцатый номер. Дверь была немного приоткрыта, и я вошел в номер. В комнате стоял запах дорогих духов и стирального порошка.

И, прикинь, не вижу никого. Делаю ещё шаг, зову ее. И тут вижу ее, под столом лежит. Обдолбанная порошком каким-то, я так и не понял. Весь нос в фиолетовых блёстках. Я не знаю, что это, но явно было видно, что она с этим «чем-то» переборщила. Ну, самое главное, крылышки и пиво мои любимые были на месте. Чулки тоже на ней, даже боди какое-то интересное. Или бельё кружевное красивое, не помню еще, фотки глянуть надо.

Да, реально, во – смотри, сфоткал по фану её, после того, как помог, конечно. Я хоть и мразотное животное, но не полностью. Потом она оклемалась, но всё равно, совершенно не хотела сидеть на месте и постоянно хотела пить. Заебла меня этим, ну я и сказал, что я больше не в ответе за твою жизнь и здоровье, иди куда хочешь, а я перекушу и спать. Сумасшедшая стерва, в плохом смысле этого слова. Не, мы само собой переспали, но секс с ней прерывался на нраво-

учения, с моей стороны.

После всего этого она, вроде как, даже завязала принимать всякую хуету и устроилась на работу. Там, конечно, тоже ахуй перманентный, не иначе. Эта lady еще не раз звала меня по отелям, как и многие другие. Никто из нас не хотел лезть в жизнь друг друга, она знала обо мне крайне мало, как и я о ней. Мы просто встречались в каком-нибудь отдалённом от города и мира месте и запирались там на ночь, пытаюсь передать друг другу телами и разговорами всю ту суматоху, что накопили за время, проведённое в обычной жизни.

Она подарила мне уникальные чувства. Те самые, которые я скрывал от самого себя до дней встречи с ней. Это чувство – отвращение к себе. Причём возникало оно сразу после того, как я делал шаг из очередного чистилища в виде «отеля на окраине» класса люкс.

Я бывал, как и говорил, пару раз еще у неё. Вроде как отказалась от наркотиков, даже слышал, что собой занялась. Не верю, конечно. Больше верю во второй рассказ. Нашла тут она, прикинь, начальничка одного, мужичка такого. Говорит нормально, не знаю, не видал его. Нормальность в её голове – это понятие весьма относительное. Разговорились они с ним, он ей показывал свой галстук, она ему ножки. Он шлюхами торговал. Ну как, не прям шлюхами, а хорошими. Которые еще стоят в час как подержанный мотоцикл, вот такие whores. И про это с ним разговорились, он ей показывал их фотки, она ему свою фигурку. Он и ей работу предлагал,

с клиентами, но пока—что только в переписке и зазывании на моделек покрупнее. Она кивала головой. И они опять разговорились, он двоим оплатил отель, она ему с радостью дала за эту работу. Ну а что поделать, каждый использует свой ресурс по—разному. Правда она говорила мне, что я вкуснее, но да мне похуй в принципе, чем она там занимается в свободное время. Она давно меня перестала интересовать и как личность, и как ёмкость. Ни в одном случае, ни в другом толку от неё больше нет, мы чересчур разные. А разные мы потому, что она, спустя все то, через что прошла, все ещё заслуживает быть спасённой. Она заслуживает счастья, так как она его не видела. По дефолту повернула в сторону пустоты. Я думаю, как только она встретит на пути своей жизни светлое пятнышко, то обязательно сама перекрасится в белый. В отличие от тебя и меня, ведь мы бесконечно синие, серые и чёрные, сидим в подвале. Ей в этом подвале нет места. Тут только два местечка, для тебя и меня. Тут мы с тобой.

10.5.A

Вот подтягиваю тебе веревки на руках Лёх, и думаю. Во-первых – ебать как это неудобно. Во-вторых, ебать как больно, наверное. Я думаю, для пущей твоей внимательности я тебе что-нибудь разобью, но не до смерти, ведь иногда смерть сближает. Вот послушай.

Тупая, но смешная такая Ната была. Без сомнений – прекрасная девочка. Очень жаль, что я её умудрился встретить.

Но послушай меня, таких непролазно тупых я ещё не встречал. Очень–очень глупая девочка. Я раньше клоуном работал, а она мне помогала. Компаньон, но про её талант непролазной тупости я еще не знал. Она его скрывала за пеленой отличных артистических данных. Я был клоуном на утренниках, детских праздниках и прочих шабашах, а она всегда была помощницей. Я был Лунтиком, а она Милой. Я был Бибой, а она Бобой. Я был главным пилотом, а она стюардессой. Но с тех пор на тот момент прошел уже год с лишним как мы не виделись, а ласки женской очень хотелось. Мне было по–барабану кого уже разводить, пусто внутри. И вот я решил ей написать. Диалог из разряда «пиздец», по причине которого она и получила от меня весьма обидное и гиковое прозвище «андед». Такая переписка была.

– Привет! Как ты?

– О, привет) Давно не виделись. Дела плохо.

– Что случилось?

– У меня папа умер сегодня...

Даааа, Лёха, я знаю, что я уёбок. Я в целом так и жил раньше, что выезжал на подобных сообщениях, но все же. Я сыграл на этом и утешил её. Аккурат у моего друга хата свободна была на недельку. Ну и решил я отдохнуть. Свалил с пар на недельку пораньше и уехал в эту самую квартиру. Жил как овощ, аниме смотрел да её иногда водил. Я был у неё первый во всём, сексом—трахаться она еще не умела, а мне ебать как хотелось сорвать очередной листик в свою нехитрую копилку. Ну я и стал у неё первым, пару дней встреч всего потребовалось.

Блять, Лёх, я себя как на исповеди чувствую, ей богу. Не хвалюсь я такими вещами давно, отъебись. Спустя годы я понимаю, что десять—пятнадцать девченок я испортил, это точно. В смысле первый был у них, они на моём члене во взрослую жизнь так и уехали.

Да не смотри ты на меня так! Что поделать, многие молокососы мрази, и я в том числе. Зато про отца она особо не вспоминала, да и ладно. А когда мы были далеко друг от друга она кидала мне нюдсы с цитатками из интернета, которые ещё к фотографиям волков приделывают. Короче та ещё lady.

Мда, конечно, я ещё ни разу не знакомился с girl после фразы: «У меня отец умер». Я тоже был своего рода талантом. В те времена я умел и нести чушь, и быть привлекательным, однако позже «Время» приказало мне выбрать что—то одно, но я не смог бросить свою чушь. С ней и живу. А при-

влекательность я сорвал с себя и бросил в омут воспоминаний моих дам.

Она долго после этого мне еще писала, хотела быть вместе, детей, семью, квартиру. Но lone wolf внутри меня приказал мне немедленно прекратить всяческие попытки в постоянство, ну вот я и бросил это. У меня были длительные отношения с жалким с моей стороны окончанием, и поэтому, как только дело доходило до подобного – я тут же сливался.

Знаешь Лёх, я думал, что такая тактика приведёт меня к неминуемому счастью и гордому поиску второй половинки, однако теперь я уже несколько лет один и начинаю вкуривать, что где-то я всё-таки проебался. На данный момент моего пути мне кажется, что это одна большая ебаная шутка. Вся эта игра во взрослого меня привела к полнейшей стагнации. «Мир» и «Время» заставили меня жить в вакууме, так как для таких, как я это единственный способ выжить. Лучше просто не думать ни о чём и жить, как живётся сегодня. Ведь так, кровавая твоя голова?

5.5.СБ

Перв. примен.

Знаешь, во многом девушки прекрасны. Точнее не так, многие прекрасны. Верю, что большинство. Но есть среди них мерзкие и падшие существа, не жаждущие ничего, кроме хорошей жизни. Не могущие в создание компромисса, интригантки, нелюбимые никем. Их ебут, а они обычно терпят и ждут. Или кайфуют, а потом залетают и портят жизнь ещё одному человеку – своему ребенку. Только в этом случае уже на протяжении восемнадцати лет. Была у меня одна, похожая на подобное существо.

Я в общаге жил тогда, у нас клопы, тараканы, creative и amazing, куда ни плюнь. Жили аскетично, воровато и подло. Воровали в магазинах, тем самым обеспечивая себя лучшим хрючевом в этом городе. За одну ночь выносили колбасу в панировке, красную рыбку, и прочие шоколадные пасты. Ума не приложу, как нас не повязали. Ну я и пытался выглядеть соответствующе среднестатистическому нищему студаку, который пытался казаться всем больше, чем он есть на самом деле. Я носил снепбек и пальто, такой весь, гангстер кухонный, встраиваемый. И посчастливилось мне встретить одну девушку, под кодовым именем «мажорка».

Ах да, о чём это я, Софа звали эту мажорку. Мой друг Дрюня ехал на электричке куда-то чуть дальше, чем в ебенья. А он сам по себе маленький такой, как хоббит. Но добрый, я бы даже сказал, что он концентрированный человек. Ёмкий и мощный, как китайский телефончик. Он, кстати, таковым

владел и как раз переписывался со мной во время поездки. И он жуть как понравился одной miss и она начала точить ебальничек свой миленький в его сторону. Потихоньку подойдя за его могученькую спинку, она спалила моё имя отчество. Потом нашла меня, а потом и его у меня в друзьях. Как только он вышел из вагона в его китайском телефончике громкозвучающей вибрацией раздалось чужое и незнакомое «Привет» от той самой девушки. Он ничего не понял, но на всякий случай, так сказать «про запас», познакомился. Она рассказала удивительную историю их знакомства так, будто эта волшебная история будет передаваться их внукам и правнукам, из поколения в поколение. Но хоть история знакомства была и интересна, судьбоносна и, по её словам, почти легендарна, гулять одной с этим микроманьяком ей было страшно. И куда же в таких, ебать их в рот, историях без «лучшей подружки». Она сказала ему, что мол «Пойдём гулять, но на моих условиях. Я беру подружку, а ты друга своего». Секунды через три после этого сообщения головой вперед в мою комнату влетает Дрюня, с криками помощи. Идти гулять я не очень хотел, так как не отошел до конца еще от травмы. Если вкратце, то на тот момент, что в кошельке, что в душе у меня было пусто. Но как не помочь другу, особенно если эта помощь может превратиться в такую прекрасную историю. Как я думаю, в кураже нет ни покоя, ни грусти, и немедля я решил идти. И, как истинный пидорас, я наказал Дрюне, что в данной ситуации в кафе расплачивается он. Он молча

кивнул головой, я тоже.

На следующий день мы отправились в наше маленькое приключение. Дрюня переживал, а я решил включить мой любимый режим звездабола и выдумывал себе новую биографию, полную удивительных фактов. Боже, как же я ссал ей в уши, знал бы ты. Её подруга и была та самая мажорка Софа, про которую я тебе рассказываю. К слову сказать – она выглядела великолепно! Аккуратненькая фигурка, словно сделанная из дорогого фарфора и длительное время точёная водой. Гладкая и нежная, будто бархатная, кожа тоненько обтягивала натренированное юное тело. Тоненькие ручки словно были сделаны для того, чтобы подавать их прекрасным мужчинам в приглашении на танец, а туфельки тонким каблукком отщёлкивали каждый второй удар моего сердца. Глаза карие, я такие не люблю, но на ней они смотрелись будто бы и к месту. Она была органична в себе, будто максимально спланированная создателем по четким чертежам. Её внешность была бы близка к идеальной, если бы не карие глаза. Она пахла свежесобранными цветами, лепестки которых перемололи в блендере и чуть присыпали марихуаной. Её губы, такие мягкие на вид, пухленькие и розовые, будто созданы для поцелуев. Я без раздумий решил начать диалог, и, что удивительно, у меня это получилось. Еще удивительнее то, что мы сразу разделились на пары. Они шли впереди, а мы с Софой позади. Мой спизженный из какого-то магазина снэпбек сиял ярко, пальто развивалось по ветру, а сам я пиз-

дел напрополюю. Рассказывал ей о том, что в этом городе я живу на время учёбы, так как мой отец очень важный в сфере промышленности, и он хотел бы, чтобы его сын прохавал всё с самого низу, узнав все тонкости технической профессии от простого рабочего до управляющего производством. Я был начитан, и по сравнению с тем, сколько я читал в том возрасте, я сейчас просто затупок необразованный. И раз я был такой, я мог с лёгкостью игратья неясными ей терминами, вводя её в транс собственного превосходства. На самом то деле я никто, и звать меня Володька. Но для неё я должен был стать в максимально короткий срок ВСЕМ. Потому—что... это весело, и всё.

В скором времени нашего диалога вылезла и причина её великолепия. Она была такой же, как и я — какое совпадение. Если бы не одно «НО» — она была really такой, без вранья, а я был такой только в своих рассказах. На руке у неё были непомерно дорогие для её возраста часы. Пальто и туфельки на ней знаменитого итальянского бренда «ebat' как dorogo». Папа кто—то важный у неё был, она совершенно не парилась по жизни. Интересно было доминировать над её личностью, так как она действительно казалась мне умной. Она знала несколько языков, прекрасно училась и владела невероятным стилем похуизма на простых крестьян, коим я и являлся. Но моя красноречивость, назовём её так, раскрыла её и привлекла в незабываемый омут хлама в моей комнате в общежитии. И вот мы уже пьём коньяк на моей неуб-

ранной, но аккуратно застеленной бабусиным покрывалом шконке. Она попросила нарисовать ей что-нибудь на руке, ведь я в её глазах тату-мастер галактического масштаба и вообще художник по жизни. Я нарисовал на её тоненьком и нежном запястье замочек, а на своём ключик. На этой ноте мы впервые поцеловались. Теперь она узнала на один язык больше.

И вот её ebeyshe dogogie часы уже лежат на полу моей обрыгальни, аккуратно рядом со скромного размера лифчиком и кофточкой той самой итальянской фирмы. Поначалу она называла это тренингом для своего будущего парня, не признавала меня, сука. Ну или не хотела признавать, что такая сильная и всё-таки сдалась. Мы обжимались долго, я был её первым. Много чему научил, с высоты своей довольно невысокой башни, разумеется. Обстановочка, конечно, была так себе, на троечку с плюсом. Плюс притом – это мой, потихоньку начинающийся, plus size в области талии и морды.

Мы еще много раз раскидывали её бельё по комнате в общаге, пока однажды она не пропала с радаров. Оказалось, нашла парня. О, она ведь и со мной встречалась всё-таки. Я тогда такие рамки там поставил, охуеть. Мы повстречались целых 40 секунд, самые плодотворные отношения в моей скудной жизни. Она мне писала иногда. И изредка гоняла в общагу ко мне на мастер-классы, во времена ссор с парнем. Жалкая её сторона.

И вот однажды она пропала на пару месяцев. Потом рез-

ко написала мне, что, мол, рассталась со своим парнем. Попросила помощи, поговорить просто. Мне стало жалко её, в моменте. Очень жалко. Она так расхваливала его, и тут такое случилось. Чувствовалось, что ей тяжело в этот вечер одной. И вот мы встретились, едем вместе в автобусе в самое лучшее место для душевных разговоров и размышлений о судьбе – в кальянную [Естественно, Лёх, это сарказм. Ненавижу это место. Рассадник быдла и шлюх, один я там, красавчик, сидел. В рубашке голубой, краденной. Я предпочитаю курить один, в пальто и под дождём]. Ей, почему-то, хотелось именно туда. Именно в конкретную. Именно неподалёку от её дома. Именно в это время. Я пожал плечами, типа хз, может это её место силы. Вдруг в дыму она ещё загадочнее, чем сейчас. Не знаю.

На улице было уже прохладно, поэтому мы быстрым шагом от автобусной остановки дошли всё-таки до этого заведения. Похоже оно было на старую коммуналку без межкомнатных стен, с хлипкими на вид полами и дешевой шведской мебелью, которая максимально «не в тему» смотрелась в этом заведении. Здесь гораздо гармоничнее смотрелся бы ингалятор из потрепанных временем пенсионных оздоровительных лагерей и старинный кожаный диван, нежели кальяны, паршивенькая музыка и толпа шестнадцатилетних сумасшедших ебланов, что терлись у барной стойки. Мы присели за неприлично низкий столик, заказали кальян. Нам тут же его принесли, так как гости подобного заведения обычно за-

казывают один кальян человек на пятьдесят и круто дуют его в своих не менее крутых трениках. Мы с ней курили, минут десять разговаривали, она даже плакала немного. И вдруг я слышу скрип. Оглядываюсь вокруг и вижу, что напротив нас стоит парень, на вид лет шестнадцати, видимо, один из тех подростков, и пристально смотрит на меня. Причем стоит в такой позе боевой, как в аниме прям, еблан. Скрипели, по-видимому, его зубы от злости. Ну стоит и стоит, хуле, думаю. А я посижу. Сел, курю, слушаю эту курицу. Элегантно поправляю ворот своей рубашки, потягивая в меру неприятный дымок, как вдруг этот петушонок каблучки своих грязных кед направляет в мою сторону и начинает шагать. Судя по всему, данным движением он дал знак остальным, и меня окружило примерно человек двенадцать–пятнадцать...

Неее, Лёх, не пизжу я сейчас. Пиздел бы – сказал бы тогда, что я их всех отметелил и пошел себе с женщиной восвояси. Ан нет, я зассал. Рядом со мной стояла эта дама, а вокруг нас уже собрались эти петухи. Сам я думаю: «Ну естественно, окружили, суки. Петушня малолетняя, ни чести в вас, ни достоинства». Тот, который скрипел зубами, сделал шаг вперед из круга в центр, ко мне. Перевел взгляд на Софу и спросил: «Соня! Кто это? Что ты тут делаешь?». И с фразой «Не трогай его, это мой друг» ЗАБЕЖАЛА ЕМУ ЗА СПИНУ! И вот я, как еблан, один против всех, хер пойми за что собираюсь воевать. Я сразу вкурил, что надо валить, и как можно скорее, но круг начинал сужаться и меня начали

расталкивать. Вдруг из толпы вышел один и энергично зарядил мне по лицу. Потом опять толкали, потом замахнулся второй раз. Каким-то чудом, я увернулся, подавшись корпусом немного вбок и толкнул его в сторону стола... Кукарекающая что-то на своём он полетел в сторону нашего неприлично низкого дивана и дешевого столика, на котором уже гордо стоял кальян. Раздался грохот, стол сломался под весом этого ёбаного клоуна и рухнул, опрокинув угли кальяна аккуратно на пол и на диван. И вот я, двенадцать петушиных рыл и сумасшедшая тёлка стоим и смотрим на то, как медленно начинает дымиться диван. За который, естественно, никто из этих смелых воинов, что в крысу в двенадцать рыл налетают на одного меня, платить не хочет. Тут полномочия их внутренних мужчин, как бы, всё, и они, естественно, решили дать по газам. Смотрю я на них и думаю «О, а у меня как раз тоже нет денег». Ну и я тоже побежал оттуда. На выходе один из главарей этой шайки меня остановил, и сказал: «Ты только ментам нас не сдавай. Судя по твоей рубашке ты в ментовке работаешь, не болтай им. Мы не хотели агрегировать, так вышло. Только своим не говори, нам в кутузку нельзя». В тот момент промелькнула мысль рассказать им, но я сказал: «Посмотрим». Крысы должны жить в страхе.

Как потом оказалось – это, естественно, была подстава. Она просто хотела, чтобы её парень приревновал и более ответственно относился к их отношениям. Ну и пиздил бы поменьше. Насколько я знаю, это всё только усугубило. Пиз-

дюли поступали чаще, а любовь всё реже, а все потому, что таких она и любила. Либо пиздаболов, как я, либо сильных, но только толпой или в бою с девушкой, крысёнышей. Так она и сидит, счастья ждёт.

10.5.5

A (y

Смотри, как интересно извиваются твои пальцы под ударами молотка, Лёх. Лично я представляю себе, что это маленькие змейки, которые ползают туда-сюда, снуют, а я смелый охотник, наловил их, связал в пучок-ладонь и бью молотком их по одной. Ты еще мычишь так интересно, даже сексуально немного. Ой, ну серьёзно, чего ты плакаешь, я же шучу. Интересно еще после удара трогать твои пальчики. Вот указательный не очень получился, как по мне, а вот средний, ммм... Тут прям будто осколочки в мясном мешочке, на ощупь как очень хороший антистресс. А указательный кстати, хахах, тоже как антистресс, но который порвался немного, протекает. Ах да, я отвлёкся от рассказов.

Сонечка, моя интересная жопастая Сонечка. Могла удивить. Но была и еще одна, которая удивила. Я тебе рассказывал про мой личный рекорд? Лех, ты прикинь че было! Однажды я в 8 утра познакомился с Fraulein, а в 12 у нас уже был секс! Да, знаю, звучит очень странно, в нашем то мире. Сейчас и меньше может времени пройти, если добавить в это уравнение туалеты клубов, вписки и прочие изнасилования. Но то было дома, причём у неё. Я написал ей утром, зацепил на каком-то сайте знакомств. Пару часов переписывались, и она наконец предложила мне приехать к ней. Недолго думая я поехал. Свалил с пар и отправился на соседнюю станцию метро, искать приключения на свою жопу. Как оказалось, нашел. С филигранной лёгкостью причем. Мы встретились с

ней, и она показалась мне довольно милой девушкой. Вроде и прическа нормальная, и личико ничего, и фигурка есть, но был в ней какой-то... приколот что ли. Не знал я на тот момент, как все обернется.

При встрече мы обнялись, от неё пахло очень странными духами. Знаешь, такой запах, при котором бабулю вспоминаешь, когда она в бойкие годы с работы приходила домой, а едкий запах её духов уже успел насквозь пропитать шубу. От неё был точно такой же.

Хахах, Лёх, нет, на старух меня не потянуло. Она была младше меня. Одна из тех, кто оправдывает свою разьебайную жизнь словами «Мне скучно, я уже достаточно взрослая и делаю что хочу».

Так вот. Решили мы прогуляться по парку. К слову сказать, изначально только это и планировалось. Мы подошли к месту нашей прогулки и спустились вниз. Этот парк напоминал мне большой лес, который находится в не менее большой яме. Тропинок как таковых не было, дорожек из плитки тем более, и мы начали неторопливо расхаживать по парку. Она рассказывала о себе. Её звали Юля, и помимо всего прочего она была неформалка. Но не такая, как в «Ералаше», где все выражается во внешнем мире. Скорее внутренне она была совершенно отрешенная от всего остального общества. Вот мы шли, и она мне спокойным тоном рассказывала про этот парк:

– Вообще тут бывает беспокойно. Вот я тут с подружкой

шла пару недель назад, и вон прям из-за того угла вышел мужик в плаще на голое тело и преградил нам дорогу. Мы стояли перед ним, ждали, что же дальше будет. Ну он взял свой член в руку и начал дрочить его глядя на нас. Подходил к нам ближе и просил нас покрутиться и показать себя. Мне стало страшно, я и пошевелиться не могла. Соответственно, убежать и закричать тоже. Подруга была в похожем настроении, но вела себя более смело. Мы попросили дать нам пройти, на что он ответил, что если мы покажем сиськи, то он нас отпустит. Моя подруга недолго думая подняла худи и лифчик, показав ему себя. Он удивился, и, кажется, даже немного испугался. После чего она быстро схватила меня за руку, и мы побежали ко мне домой. И так иногда бывает, вроде того мужика так до сих пор и не поймали.

Такого развития диалога я никак не ожидал, отчего мог только угрюмо мычать, потупив взгляд, разглядывать листики под подошвой и думать, как же меня сюда вообще занесло.

Она предложила пойти посмотреть фильм к ней, так как на улице уже становилось прохладно. Гуляли мы где-то часик на тот момент, и я с радостью согласился. И вот мы уже поднимаемся в её обитель.

И тут стоит прояснить, что я с большой тревогой отношусь к чужим жилищам/квартирам/шалашам/коробкам/студиям и всякому прочему, куда подлые женские тёлки меня раньше пытались затянуть. Не счесть, сколько раз я попадал

в хуй пойми какие, забытые Богом обрыгальни, где сквозь завалы стеклянных бутылок ты пытаешься как можно быстрее съебать от внезапно взявшейся из соседней комнаты огромной собаки под задорные крики: «Да ты что, она не кусается!». Нее, Лёх, ну его нахуй. С другой стороны, конечно, я не сру там, где ем, поэтому ненадёжных баб домой не привожу. Плавали – знаем. Парочку таких было, но это немного позже, продолжаем.

В квартире было чисто и уютно, но по углам стояли подозрительные банки и аквариумы. Меня немножко беспокоило, что она разговаривала слишком спокойно и уверенно. Её голос был монотонный, будто она чем-то очень сильно раздражена, но пытается искренне скрыть это. Но она была спокойна и очень рада мне. Свитерок слетел с неё на кровать и она, с несвойственной ей лёгкой улыбкой отправилась показывать мне тайны своей комнаты. Подведя меня к одному из аквариумов на полу, она стянула с него чёрную тряпочку. Моему взору открылся стеклянный куб, в котором лежала маленькая коряга, полностью облепленная ярко-жёлтыми тараканами средней величины. Моё лицо тогда скривилось в отвращении, и я с трудом натянул на него ухмылку и похвалу. Потом она принесла ещё один куб, в этот раз со змеёй. Потом она подвела меня к очередному круглому аквариуму на полу, и в нём уже были огромные мадагаскарские тараканы, штук двадцать, не меньше. Она с лёгкостью взяла одного в руку и протянула мне. На мол, поддержи. Я

взял его в руку и, о господи, какой же он противный, твою мать! Ни с чем несравнимое чувство, когда ты держишь в руках огромное насекомое, которое хуй знает, укусит тебя или нет. Да знаю я, Лёх, что они не кусаются совсем. Но в тот момент мой мозг думал только о бегстве и крике. Мой мужской стержень почти сломался, но следующий аквариум был простой, с рыбками. Она предложила присесть на кровать и что-нибудь включить на фончик. Мы запустили на ноутбуке какие-то клипы и продолжили наше общение. Я всё хотел узнать у неё, что же с ней не так, потому как сам понять я этого не мог. В один момент она выдаёт мне такую фразу:

– Знаешь, я не знаю, когда всё во мне сломалось. Моя жизнь как-то странно изначально шла. Я жила с бабушкой на протяжении долгих лет. С восьми лет он заставлял меня делать ему минет каждый день...

Ебать, Лёх, я аж подпрыгнул. Я даже переспросил, и она подтвердила, что я всё правильно услышал. К сожалению, всё верно. Слух меня не подвёл. Я думаю «Чёёё?!» Какого хрена я сейчас услышал? Эта же продолжала подкидывать говна на вентилятор:

– Знаешь, мне приходилось скрывать это от мамы. Он говорил, что, мол, ты огорчишь своих родителей, если расскажешь. А потом папы не стало, а мама была постоянно на работе. А я тусила с дедом и его членом, ха-ха. На самом деле это было очень мерзко, и я не люблю это рассказывать, но по какой-то причине решила тебе рассказать. Вот, как-то так.

Наступила секундная тишина, которая длилась вечность по ощущениям. Время тянулось как мёд, медленно стекающий с тарелки, а я в нём был застрявшей мухой, которая не могла выбраться. Мы смотрели фильм, как вдруг она положила мне руку на колено, а голову на плечо. Я решил её обнять и прижать к себе в качестве поддержки. Но тут её рука начала подниматься выше, и я понял, что сейчас меня будут ебать. Губами придвинувшись к моему уху она нежно замурлыкала. Сука, знала же, что меня возбуждает шепот и девушки из нового тысячелетия. У неё все это было, и я не устоял. У нас был секс, и в процессе, я клянусь, я забыл, как её зовут. Всё-таки есть минусы быстрых свиданий, башню откручивает наглухо. Приходилось называть её сучкой, шлюхой и деткой, пока в процессе я не увидел на полке браслетик с именем «ЮЛЯ», который спас меня уже после секса. Я лёг с ней рядом и спросил, как она. Юля улыбнулась, чмокнула меня и убежала в душ. А через час у меня уже начиналась новая пара, и я сразу после душа побежал в университет. Такие вот дела с ней были. Больше мы с ней никогда не общались. Она меня почти сразу в чёрный список кинула, наверное, идеология какая-то. Я тебе потом расскажу, как девушки иногда пытаются захуярить наркотой, запить или затрахать горе. Возможно, она поступила так-же. Скорее всего каре ей было слишком мало.

10.5.B

Перв. примен.

Но это ещё хуйня всё. Юля на меня налетела тогда, с горя тревоги и одиночества. Не нужно это было, ни ей ни мне. Трахнула и бросила, да и чёрт с ней, надеюсь у неё сейчас все хорошо. Но бывают ситуации и пострашнее. И тем они интереснее. Много ли ты знаешь об изнасиловании, Лёх? Я уверен, что немало. Видел, как гуглишь это безобразие, мышьяная твоя морда. Для девушек это оставляет отпечаток на всю жизнь. Это трагедия, про которую пишут книги, рассказы и протоколы. Но для парней, иногда, это приключение. Приключение, ради которого ты жертвуешь своей честью и достоинством. Конечно всем хочется, чтобы жизнь была как героин с пивом, чтобы сначала хорошо, а потом еще лучше, однако жизнь имеет свой исход, как и героин с пивом.

Ну да, Лёх, я пробовал героин! Я же ёбнутый богач, забыл что-ли? Нет, я обычный лопух и ничего подобного не пробовал, как и ты. Я читал у Мураками, он очень вкусненько об это писал. Лайм там, пиво Corona

А, ну да, я отвлёкся. Маша её звали. Знаешь бывает как, познакомишься с девушкой в интернете, а потом приходишь на свидание. И первая мысль, после того как ты пришел: «А где моя принцесса? Ты что, животное, съела её?».

Вот та такая же была и Маша. Мы мило общались в интернетике, приколы кидали друг другу. Я ей чужой член, она мне чужие сиськи, смешно короче. Она мне рассказывала, что умеет твёркать и скидывала видосы. Это сейчас я пони-

маю, что это паль была, но в тот момент в моей голове была только её задница. Жесть, аж в холод бросает, как вспоминаю. Короче поехал я к ней. По старой традиции жила она, естественно, в жутких ебнях.

Но кого это когда останавливало? Только не меня!

Литературно воспетый в своей голове поехал я к ней на район. Дело близилось к ночи и на улице было уже темно. Метро уже заканчивало свой традиционный ежедневный мочин, развозя последних алкашей по углам города, а я решил поставить жирную точку в своём прекрасном дне. Но кто бы знал, что настолько жирную...

В общем. Темень на улице, бардак в голове, неизвестность вокруг, странные тела в транспорте, отсутствие морали и закона в каждом моём новом шаге.

Но кого это и когда останавливало? Только не меня!

И вот я подхожу к заветному тёмному парку и вижу её. А, точнее, понимаю, что фотографии, которые она мне отправляла были далеко не этого десятилетия. Передо мной вместо красивой, стройной, голубоглазой восемнадцатилетней lady стояла тётя, похожая комплекцией на бочку для нефтепродуктов. Она была ростом немного выше меня (мой рост – 185 см), и гораздо шире меня. А я полненький молодой человек.

Но кого это и когда останавливало? Только не меня!

Я не подал виду. Как истинный джентльмен я обязан был довести наше свидание до первого попавшегося на моём пути логического конца и отправиться домой на первой же

электричке, что увезёт меня в такой спокойный и милый дом.

Я поздоровался, она меня обнимать лезет. Объятия были похожи на приём из дзюдо, нечто вроде удушения. «Мощная женщина! Такая и перемкнуть может, при желании.» – подумал я, пытаюсь нежно вырваться из её захвата.

На фотографиях она была ангелом, самым настоящим. Стройная, голубоглазая, ровная такая вся. Но в момент нашей встречи первым моим желанием было чтобы этот ангел упорхнул как можно скорее куда–нибудь нахуй. Но, к сожалению, этого не случилось.

Я встал рядом с ней, поздоровался. Даже слегка поклонился, как доминантному виду. Она робко басанула: «Маша, приятно, пойдём» и взяла меня за руку. Холодок пробежался по моей шее, но назад дороги не было. На улице было уже давным–давно за полночь, а мы всё шли по парку. Я пытался поддержать разговор, но выходило скверно. Парк был огромный, витиеватый и далеко не везде освещенный. И почти на каждом затемненном участке она предлагала сесть и посидеть. Я примерно понимал, к чему всё это идёт и каждый раз отнекивался, аргументируя это тем, что очень хочу насладиться прогулкой. И вот, в один злополучный момент я поскальзываюсь на грязевой луже и падаю аккуратно на мою задницу, на которую как–раз и позарился мой дорогой тиран, в этот раз не удержавший меня. Падаю. Слышу хруст. Думаю: «Хоть бы спина. На скорой увезут меня в травму, вот

и уважительная причина уйти, причём с кортежем». Но нет, это оказался последний кусочек, соединяющий меня со свободой, мой мобильный телефон. Хрустнул экран на телефоне, но он еще работал. Осталось процентов десять, они мне отсчитывали секунды, за которые я могу сбежать своими силами.

Тем временем девушка уже во всю начала штурмовать моё брэнное тело, покрытое содержимым лужи и сожалеющими взглядами случайных прохожих. Я отнекиваюсь, говорю про живопись, а она трогает хуй, к сожалению, мой, к счастью – через штаны. Я стараюсь уйти в искусство, она настаивает на порнографии. Трахать бочку с мясом посреди ночного парка в мои планы не входило, не хотелось. Обижать не хотелось тоже, как бы то ни было – она человек, и я ей понравился. Просто слегка сумасшедший, совсем немного. Была бы она чуть тактичнее я бы, может, и пообщался с ней. И продолжил бы дальше общение, как хороший знакомый, ведь как ни странно – примеры подобные есть.

Я погряз в своих размышлениях, стараясь уйти от ситуации как можно дальше и просто дотерпеть до конца, когда её успокоит хотя бы моя безучастность. Вдруг она снимает с себя куртку, накидывает себе на голову и становится на колени передо мной. Паника пронзила голову, мой член висел над охотничьим капканом, который вот-вот захлопнется, удалив мне самое ценное – мою мужскую гордость. Я был больше не альфа-самец, совсем нет. В тот момент я был её личным

кроликом, который завис в прыжке над пропастью, под именем «хохотальник». А иначе её рот нельзя было назвать.

В тот момент я, вдруг, вспомнил, что одним из самых любимых фильмов моего отца был «Крокодил Данди». Он там на крокодилов охотился. Похожих на эту суку крокодилов.

Я пытался спастись бегством. Начал плавно вставать, но она навалилась на меня всем весом и взяла все разом в рот. Это был конец. Мой, у неё во рту, блять.

У меня был выбор – лишиться члена или чести. Я выбрал нейтральное, а именно хитрость. Схватил её за голову и воткнул максимально глубоко. И так долго, чтоб она точно подавилась. Она начала кашлять мне в джинсы, после чего я резко её отпустил. Слюни полетели по всем сторонам, а я быстро натянул штаны и побежал в сторону метро.

Это был один из самых страшных дней в моей жизни! Меня использовали. Дома я включил душ, сел и обнял колени. Я был использован, пусть не до конца, но был.

Вот–вот Лёх, я тебе что и говорю. Никогда не верь шлюхам, банкам и фотографиям! Запомни, пожалуйста. На фотографиях ведь часто видно эти вот жопки, аккуратно упакованные в джинсики. А в реале, бывает, даже наоборот.

Ну ты ведь понимал, что накал историй будет увеличиваться – теперь не криви так лицо. Ты ведь знаешь, в отличие от ваших жалких тумбочек – мой шкаф со скелетами всегда открыт. Приходи и смотри! Мне нечего скрывать. Это и есть моя честь, и у меня её видно. Да, моя честь грязна и плоха, ну

а как иначе научить тебя? Как иначе рассказать тебе истины, если правда тебе кажется пошлой, а во лжи нет смысла?

12

Чего ты, Лёх, унылый такой? Писять, наверное, хочешь? Ну ладно, давай я отвяжу тебя, сходи. Вроде не туго привязал, чего руки то посинели? Я же шибарист потомственный, мой дед рисовал связанных женщин. Вот я и запомнил. Ещё для качества моих узлов безусловно помогли те узоры на ковре в моей комнате. Когда я лежал и рассматривал их перед сном прям представлял, как связываю тебя, братан. Хотя, такой молчаливый и глупый утырок как ты никогда бы не оценил красоту узора советского ковра.

Ну всё, вот ты и у туалета. А хотя, подожди. Вроде не рассказывал тебе историю про Диану? Диана прикольная была, обиженная миром и, конкретно, одним мужчиной. Ну а мы с тобой по жизни кто? Конечно не мужчины, мы ведь вымышленные, ты и я. А она настоящей была, гибкая как кошка. Красивые белые волосы, тонкая шейка, прекрасная фигура. Тоненькая такая, крохотная вся. Голос такой, подростковый, немного пищит и хрипит, как радио. Но поёт то красиво.

В общем смотришь на неё – а мысли только о том, чтобы ей такое подарить, чтоб забрать её себе навсегда. Но сам факт знакомства – в туалете! Прям как тут, Лёх, прикинь? Только не встретились мы там, было иначе. Я сидел там и на стене номер прочёл, а к нему подпись «Шлюха, даёт всем, глубокий минет – 500 рублей». Ну я посмотрел да и поду-

мал: «Потяну! Курс вареников на рынке блядей сейчас хороший, инвестиции меня порадуют». Решил написать ей, познакомиться. Интересно ведь, что за птичка такая, которой являлся её парень, оставивший столь откровенное послание о своей любимой в прошлом.

А девушка то настоящая оказалась! Даже больше скажу, хорошая. Про парня рассказала, что он у неё такой хороший был – прям забыть не может. И вот тебе вся ирония, она ему стихи сочиняла, бегала за ним, любила его. А он пишет, как глубоко она сосёт в туалетах у универа. И да, по иронии судьбы трахнул я её в туалете, в том же. Под надписью поставил плюсик. На то «свидание» я специально взял с собой карандашик. Пусть её бывший boyfriend перечитывает, срёт и дрожит. Пусть представляет, как я закрываю его когда-то любимой Дианке рот ладонью, чтоб не стонала громко. крикливая оказалась.

Ехал домой пустой и вонючий. Запах предательства целого мужского сообщества и общественного туалета смешались в немыслимую амброзию, которой может пахнуть только безобразный мертвец.

И с того самого дня моё утро начинается с того, что я решаю, кто я сегодня? Долбаёб, или всё же гений? Вроде как не по чести поступил, не рассказал, еще и завел в тот же туалет в торговом центре, а с другой стороны история вышла прям гениальная!

Ну не блуй, Лёха, что же ты такой сегодня, не в форме

совсем. Она вот в форме была всегда. В лосинах таких, обтягивающих, со стёртыми коленями.

13

Ну, ну, ну, иди личико вытру своё, мой хороший. Выглядишь ты сегодня плохо. Мы парни, что поделатъ. Мы дрочим, срём, блюём от стресса и иногда лижем пизду мало-знакомым женщинам, но для того, чтобы я тебя похоронил под плитой моих безумных историй ты прекрасен. Вот скажи мне, Лёха, как у тебя с полётами дела обстоят? Наверняка ведь любишь летать, правда судьба у тебя такая, что только по ночам выходит поддаться ветру и хлесткам случайных веточек. Только во сне ты, о мой глупый и несчастный Лёшка, летать умеешь. А ведь знаешь, как оно бывает удивительно – почувствовать себя хоть ненадолго настоящим. Я слышал, что настоящие люди летают каждый день, только не говори никому. Нету рядом с нами настоящих людей, одни конструкторы из мяса и костей, ходят вокруг и морды свои ворочают. Любви в их голове нет, да и не будет никогда. Для них это не чувство – а удобство жизни. Ищут все красивых и умных, ведь их любить удобно. Домой приходишь – а она как сувенир на полочке, стоит такая вся красивая. Ну прям horny–sexu–ебихота для удовлетворения твоих нижайших потребностей, и когда все так успело испортиться? Отцы ведь у нас плюс–минус одинаковые. Книжки мы ведь одни и те же читали, везде нас любить учили. А этим придуркам подавай силу, бабки и пизду. А внутри и пусто у обо-

их. Потыкаются чуть друг об друга и хуях – еще один член общества. Они тут резко вспоминают, что кого–то любить нужно срочно. Ну отец и давай любить водку, а мать – ребенка. Иногда, кстати, наоборот. Мои меня вот научили любить, только мне это не пригодилось.

Ээх...Вика её звали. Красивая была – пиздец. Глаза огромные, голубые, красивые как небо. Улыбка такая, знаешь, с клычками. Платья тоненькие, словно каждое создавалось специально для неё. А фигура! Боже мой! Если бы мне сказали выбрать то, что я буду класть под голову всю оставшуюся жизнь, то я бы без раздумий выбрал её задницу. Короче она реально волшебной была. И вообще, её жопа – это очень интересно.

Однажды и я летал. С интересной. Не то, чтобы она заслуживает тот самый статус «главной бывшей», однако повлияла она на меня сильно. Весьма и весьма эффектна в своих манерах lady с безукоризненной фигурой и детским характером была глотком свежего воздуха в том мире блядства, в котором я находился. Впервые за долгое время на меня обратили внимание как на человека. Походы в кино, прогулки, да ёбаный в рот, первая встреча наша началась с поцелуя. Она была вот прям игрушкой в моих грубых руках. Но, как и все в этом мире, Лёх, это всё оказалось простым сном. Никогда бы не подумал, что любовь можно искусственно создать. Представляешь ведь, что зачастую, искусственной любовью в подростковом возрасте называют то, когда ты просто стал

внезапно немного нужен кому-то красивому. И вот, ты уже у её ног, как верный пёсик гоняешь в магазин за конфетками. А тут ебать, я просто стал подменять бывшего молодого человека, как оказалось. И вот, когда ты уже думаешь, что ты с этой милой lady можешь летать – она берёт, и своими блядскими зубами отгрызает твои крылья. Когда совсем не ждёшь.

Лёх, а ты вот не замечал... Выпрямись, блять! Еще раз, сука, посмотришь вниз, и я начну тебе вырывать зубы вон теми пассатижами! Ну так вот... Ну все, ты напросился. Сука, заржавели, а ну-ка плюнь, немного слюны твоей возьму. Или нет, давай я их полностью в рот запихну. Вот так, умничка, обсоси их хорошенько, чтобы все мокрые были. Вот всегда хотел передний вырвать кому-нибудь. Правда ведь, обратительно, когда холодный металл касается передних чувствительных зубов? Неприятнее только холодная резина на руках стоматолога, но тут не бойся, мои руки тёплые и приятные.

Так терпи! Терпи, кому говорю! Знаешь, это, наверное, самый страшный звук в мире – когда тебе отламывают зуб с корнем. Хруст стоит прям в центре головы, и твой мозги не понимают, что происходит. Больно внизу, а звук повсюду! Удивительно! Когда я был маленьким, то часто ходил в стоматологию. С детства с зубами проблемы, как и у тебя сейчас. Мне они еще с детства настопиздили, врачи эти, бесконечные бор-машинки, «шарики», которыми зубы выламы-

вают, клещи, которыми их тащат. Лет до четырнадцати меня называли «зайчиком» и «котиком» за то, что я терпел и держался. Не кричал, стонал глухо, пока мне держали медсёстры голову, чтоб не мешал врачу причинять мне здоровье. Сжимал руками свитер, в котором пришел и платочек, который мама заботливо мне погладила своими нежными руками. Потом этим платочком я вытирал кровь и слюну со рта, как проститутка, которую заставили отсосать отбойному молотку. Давай я тебя тоже приободрю? Вдруг поможет?

Зайчик... Котик... Мой тигрёнок, ну потерпи, пожалуйста. Я тогда за свитерок держался, а ты за верёвочку свою держишься. Посмотри на себя, кем ты становишься? Знаешь, зачем я всё это делаю? Да просто потому, что ты это заслуживаешь. Ты внутри очень болен и плох, я хоть и не врач, но я вижу. И, я думаю, ты со мной согласен. Ты такой-же, как и я, странный и больной. Я всего лишь помогаю сравнить тебе твоё внешнее и внутреннее состояние. Вот будешь ты без зубика, а пока я его вырываю – точно запомнишь историю, которую я тебе рассказываю. Каждую, до последнего словечка. Я сделаю тебя настоящим святым мучеником. Ты будешь страдать во славу человечества, правда ради всего лишь одного греха – похоти! А я буду твоим личным демоном, так что слушай меня, и запоминай. А вот и твой зубик, мой зайчик. Совсем не больно, правда? Как комарик укусил.

Кстати, Лёшка, интересный факт.

кхь...кххххь.....кхххь...ай блять скользкий какой...

КХХХЬ... КХХХЬ...

Короче, твой зуб прекрасно пишет по кирпичной стене! Спасибо большое, теперь я могу зарисовывать свои истории.

Нуу, Лёха, что-же ты плачешь, как ребенок? Девки вон, вообще, в рот вещи и пострашнее берут, чем пассатижи. И вкус там далеко не крови и металла.

Во, кстати об этом. Вообще минет странная штука. Большинству мужчин он не очень-то и нравится.

Да, Лёх, ебать мы тему сменили, понимаю. А что поделать? У нас с тобой очень мало времени, а обсудить ещё надо очень много чего.

Ты ведь наверняка понимаешь, о чём я говорю. Ощущений толком никаких нет, так, какая-то туса в зоне бикини происходит непонятная, да и всё. От проникновения ощущения гораздо интереснее, и то первые секунды, а потом удовольствие превращается в одышку и тахикардию. Тут все иначе, у нас ведь также, всё на эмоциях построено. В минуте мужчина получает удовольствие не столько от самого процесса, сколько от чувства доминанции над партнером, к которому ему и не нужно прилагать никаких усилий, кроме того, чтобы держать волосы и голову партнерши, задавая темп между тем, чтобы она почувствовала жестокость, но и не задохнулась ко всем хуям.

И, прикинь, некоторым ведь нравится! Наверное, любят авокадо. Кстати я тёлку так однажды чуть не убил, страшная история. Я на неё ремень накидываю. А она давай орать,

мол: «Ещё, жёстче, давай». Ну и начала задыхаться, потом отключилась. Еле откачал.

14

Мы с тобой сейчас, Лёха, сидим в интимае. Полном интимае. Настолько в интимае, что я вижу твою кровь, твой череп немножко, глазки твои, и зубки. Сейчас ты передо мной откровеннее, чем просто голый. Я могу изучать тебя, рассматривать каждый кусочек твоего тела, анализировать и думать, что же всё-таки в тебе, уроде, не так. Чем ты так не понравился миру, что оказался тут? И как ты удостоился, из толпы всяких прочих узнать, что такое «тишина» и пойти к ней, вместе со мной? Но вот только знаешь в чем вся загвоздка? В самой звонкой и пустой тишине тебе будет казаться, что за тобой следят. Ты никогда не будешь один, как бы ты сильно этого не хотел. Мы, люди, очень трусливые животные на самом деле, и с нами всегда наш верный спутник – паранойя. Мы боимся, даже в самом спокойном месте в мире с нами всегда рука об руку ходит страх того, что рядом кто-то быстрее и сильнее нас. Кто-то такой, кто умеет ползать по потолку, под кроватью. Кто-то стоит за подъездной дверью с оружием в руках.

За тобой следили хотя бы раз? Наверняка понимаешь, о чем я говорю. Была одна девушка, не буду называть её имени, потому-что на как ёбанный Воландеморт. Каждый раз, называя её имя я боюсь, что она появится. Эта девушка нашлась в интернете, на мою голову. По своей глупости я вновь

хотел эротических приключений и пытался привлечь к себе внимание, кто же знал, что я попал на цепкий крючок настоящего маньяка. Мы долго переписывались, потом встретились. Погуляли по торговому центру, в нем же я и сделал её взрослой, в примерочной. Быстро, без шума. И в тот момент я поставил себе очередную галочку в голове-ежедневнике и гордой походкой пошел домой. Через некоторое время как истинная похотливая мразь я её бросил. И вот, казалось бы, всё, очередная история, не стоящая внимания, но потом начались странности. У меня появилось чувство тревоги каждый раз, когда я выходил из дома в начале, а потом и вовсе постоянно.

Кто бы знал, что меня ждет дальше. Она будто дьявол наказывала меня за всё то, что я наворотил до встречи с ней. Я приходил в торговый центр за продуктами – она была там. Жила в другом конце города, но приезжала сюда с утра и сидела до самого вечера, в надежде встретить меня. Подписалась в социальных сетях на всех моих друзей, в надежде узнать, где я сейчас нахожусь, чтобы просто посмотреть на меня. А когда я подходил спросить её, что она здесь забыла, то она улыбалась, обнимала меня и говорила:

– Всё хорошо, не переживай, я просто тут гуляю. Это такое совпадение, что я встретила тебя здесь. Пройдем в примерочную, как раньше?

Меня всего аж трясло. Она писала мне с разных аккаунтов, создала штук десять. Когда я бросил её в очередной раз,

повторив слова, сказанные до этого, то она просунула мне под дверь листок. На нем надпись: «Приклей обратно, я его заколдовала». А на листочке скотчем приклеен кусочек от моего стола.

Начались странности с того, что однажды я проснулся от сообщения от неё. Было уже утро, давно было пора вставать, и я лениво просматривал свой телефон. Нактнулся на сообщение двухчасовой давности, с текстом:

– Доброе утро, моё солнышко! Как спалось? Что тебе сегодня снилось?

– Доброе утро, ниче не снилось, все хорошо, а ты как? – написал ничего не подозревающий я.

– Я хорошо. Спала мало, а ты где сейчас?

– Дома)

Стук в дверь. Настойчивый.

Я встаю, иду к двери, открываю, там она. Мне и страшно, и немного приятно. Но стоп... Ёбаный в рот, это получается она уже два часа стоит под дверью? Пиздец. Дальше секс, и, видимо, оторванный кусочек стола, из-за которого я после побелел от страха.

15

Кап...кап...кап...кап...капает, текёт. Трубы совсем тут плохонькие, не годятся никуда. Лёх, а ты в магию то, кстати, веришь? Я вот не знаю, например. В Деда мороза верю вот, в Бога верю, а в чудо – не очень. В магию, соответственно, тоже. Как-то однажды я был подопытным одной из представи-

тельниц современной черной магии. Почему современной? Да потому-что познакомились мы в интернете. Мне вот интересен тот момент, когда маги вышли из своей волшебной башни, сняли свои ебучие мантии, позапихивали волшебные палочки в шопперы, сели на электросамокаты и упиздовали на доску объявлений в дешевые тротуарные газеты.

Но та была не такой. Точнее даже не так скажем. То, что она маг на самом деле я узнал чуть позже, где-то через пол часа, как увидел впервые её лицо и через сутки после того, как мы познакомились. Чего-то в чате встретились, и на меня напал азарт. Я подумал, ведь я никогда не ходил на свидания «в слепую»! Что за упущение такое невиданное – срочно исправлять. Алис – мы идем искать приключения, надеюсь не на задницу. Мы снимаем отель, срочно! Она согласилась.

Кураж был в том, что у нас была совсем короткая переписка, в которой я так не увидел её лица, не узнал её имени. Знал только одно – вечером, ровно в 17:30 она будет стоять у ресепшн в отеле «Гамма» и на ней будет обтягивающее чёрное платье. Собственно – вот и всё. Свидание совсем вслепую, но назад пути не было, отель был уже снят, презервативы и вино куплены, яблоки и хуй помыты, а лицо по-гусарски гладко выбрито.

Я приехал немного раньше срока, надо было собраться с силами и немного выпить моего любимого напитка – дешевого красного вина. Такое вино, чтоб аж морду воротило. Ты пьёшь и понимаешь, что относительно этого вина всё не так

уж и плохо.

И вот, наконец, наступил тот самый момент. Я медленным шагом пошел к зеркальному лифту. В отличие от прошлого случая ковры были коричневыми, лампы светили чуть ярче, а в холле царила тишина, изредка прерываемая разговорами на иностранных языках. Сделал шаг в лифт. Я еду, моя неизвестная! Да где-же этот «Дзынь». Почему я так долго еду? Мысли не покидали мою голову.

Дзынь... Строгий женский голос объявляет:

– Первый этаж.

Выхожу. Дарю миру своё бритое лицо. Жду аплодисменты от зевак, ведь я люблю быть в центре вселенной. Я должен был увидеть её, и, как в чудесной сказке, мы должны были влюбиться! Схлестнуться взглядами, убить друг-друга улыбками и комплиментами, а потом долго трахаться в отеле, представляя, что ебём других людей. Но увы, я увидел ЭТО.

Я никогда не думал, что слово «обтягивающее» имеет столь широкое значение. То, что я увидел, несомненно стало для меня сюрпризом. Она была невероятно огромной, я будто не девушку, а отожравшегося кореша с армии встречал. Оценив меня голодным взглядом, она подошла ко мне.

Обняла, обнял и я. Улыбнулся. Я подумал, что должен впервые за долгое время не вести себя как урод, а поступить как настоящий джентельмен. Быть ласков, вежлив, интересен и обходителен. Всё-же я её пригласил, нужно быть класс-

ным. Мы проследовали в номер.

Как только мы переступили порог – она тут же провела своей ладонью по моей спине. Знаки были поняты, знаки были приняты, джентельменское отступление – планировалось. Но вот только как? Ладно, подумал я, отвлеку её бутылкой вина, может по пути что-нибудь придумаю.

Вино разливалось по бокалам, беседа шла очень мило, однако её рука уже лежала не там, где нужно. Отторгать я её не стал, лучше дождаться удобного момента. и вот, как только она обняла меня и начала агрессивно прижимать к себе, пытаясь вдавить меня сквозь одежду прям в душу. Я прикрикнул. Простонав небольшую трель, я максимально театрально упал на стул и схватился за голову. Как же я мог забыть, у меня болит голова! Хотя бы одно движение, похожее на фрикцию и прочие извращения меня может заглушить и превратить в растение. Прости, говорю ей, пожалуйста. Мы сегодня можем просто так посидеть? Это звучит максимально тупо, но в тот момент я подумал, что я гений, так как воспользовался оружием своего врага, сказав, что у меня болит голова.

Она посмотрела на меня снисходительным взглядом, встала и ушла за рюкзаком. Казалось, что под её ногами вот-вот начнет скрипеть бетонный пол, ну или мой – мужской, если я не придумаю, что делать дальше.

Она взяла рюкзак, растягнула его и достала оттуда черные матовые свечи, чёрную книгу в кожаном переплёте и весьма странные амулеты. Я насторожился. Никакой боли в

голове у меня и в помине не было, а просто так попадать в руки тёмного биг-мага мне категорически не хотелось.

И вот, сижу я на стуле, а она начинает расставлять свечи вокруг. Натянула на себя амулет, надела кольца, открыла книгу. Из кармана брюк она достала бирюзовый Crick и зажгла свечи. В воздухе запахло воском и опасностью, а я сидел и вспоминал, как рухнул в обморок прямо у гроба моего дедушки. Тогда тоже было много свечей, священник читал молитвы, нарушая звенящую тишину. Только тогда пахло кадилом, и посреди комнаты в гробу был труп моего близкого человека, вокруг которого мы и стояли. Помню, что сначала начала кружиться, а потом в моих глазах начали мерцать цветочные пятна, которые постепенно своим странным танцем полностью закрыли мне обзор, слившись в один цвет – чёрный.

Так и сейчас. Головокружение уже подступало, а мой тёмный маг начал читать потусторонние стихи. Мне казалось, что она наоборот головную боль вызывает, а не лечит. Мне захотелось резко встать и молча уйти из комнаты, но при попытке оторвать задницу от стула цветочные пятна вновь вернулись.

«Вот и выход!» – подумал я, и резко встал со стула. Цветочные пятна сошлись в танец гораздо быстрее, чем в прошлый раз, и в последнюю секундочку сознания я выбрал упасть на единственную свободную область пола впереди меня. Через вечность (на самом деле в реальном времени это было се-

кунд 5-10) я очнулся от хлёстких ударов по лицу. Первое, что я увидел, придя в сознание – это две огромные монеты испуганных глаз передо мной, дрожащие руки и растрёпанные волосы.

Это ты прикинь, Лёх, она подумала ЧТО ЭТО ЕЁ МАГИЯ МЕНЯ ЧУТЬ НЕ УБИЛА. А на самом деле у меня со свечками отношения так себе, особенно с ароматическими. Я многое бы отдал, чтобы в этот момент залезть в её голову и узнать, чего она ощущала. Она, небось, подумала, что всё – она теперь high level маг, до конца жизни теперь бутылки с маной жрать. Ну, остается пожелать ей только строгости, ведь «С большой силой приходит большая ответственность».

Вот знаешь, Лёха. Вся проблема моя в том, что всё то, что я тебе сейчас рассказал и сотой доли эмоции не стоит от настоящей любви. Когда я участвовал в каждой из этих историй, то всегда чувствовал, что живу круче всех остальных. Я чувствовал то, что когда любил по-настоящему – был просто слаб. Податлив и пластичен, как вчерашняя манная каша. Ненавидел вчерашнего Алиса, ведь он был глуп. Всегда думал о том, что в одиночестве тысяча путей становления собственной личности, в то время, когда в паре пути всего два. Любовь прошлого меня ограничивала, вела по общепринятому «правильному» пути, создавая из меня стандартного воина нашей планеты. А что, если я не хочу таким быть? Что, если я на самом деле увлечен поиском пути, а не достижением цели? И как доказать всему остальному миру, что

ты прав, и истина твоя дороже всех, поскольку мир создан для тебя?

Вот поэтому, во времена моих гуляний я выбрал путь подобного одиночества. Разгульная жизнь, разовые интрижки и беспорядочный секс превращали меня, как я считал, в сильного Алиса. Обожаемого Алиса. А тот, старый и странный Алис... из давних времен, да кому он нахуй нужен вообще?

И вот только сейчас, в нашем с тобой подвале я понимаю, что все это была совсем не любовь, а что ни на есть настоящая ненависть. Ненависть к каждой шальной пизде, что попадала в мои грязные руки. Ненависть к собственному отражению. К каждой морщинке, каждому волоску на собственном слабом теле. Я ненавидел себя больше всех на свете. Страх в том, что моё поведение и поведение этих девушек объяснялось простой ненавистью друг к другу и к самим себе. Все, о чем я тебе талдычу с начала дня – абсолютно не нужная грязь. Каждый из нас был бы счастливее, если бы всего этого между нами не произошло. С каждым неразборчивым сексом в кинотеатре, клубе, туалете, лифте, в лесу, на крыше, в подъезде, на детской площадке, в примерочной, в ресторане, в этом подвале, на столе, в кабинете, в ванной... блять, где ещё? А, на кровати, точно. Так вот, с каждым разом это приносило всё больше боли и разочарования в самом себе. Я думал от недостатка любви в себе я буду испытывать удары, которые будут закалять мою душу и сделают

из меня суперчеловека, но нет. Все это привело меня в подвал. В этот самый подвал, где я рассказал тебе о ненависти, а теперь расскажу тебе, что такое любовь.

ЛЮБОВЬ

16

А что поделывать, дружище? Crazy little princess всегда вырастают и превращаются в чёрт пойми что. Начинают пить, курить, лизать вагину друг-другу, вставляют в соски смешные брелоки и уходят нахуй от меня. Но на самом деле понимаю, что стоят на рынке любви наши с тобой обвислые нелепые тела, когда есть тоненькие и подтянутые девушки. Всегда хотел себе девушку найти и наряжать её в красивое бельё и брелоки, как ёлочку, но круглый год. Чтобы ёлочка светила огоньками, а она улыбкой своей освещала мои глаза, а телом – постель. Но это всё грёзы для богатых, умственно и материально. Нам же остаётся доедать то, что осталось на дне кастрюли жизни, в надежде сломать зуб о золотой слиток.

И я доедал, Лёх. Хлебал долго и жадно, в надежде найти тот самый золотой слиток. Создать собственное искусство соблазнения, если так можно назвать. Однажды я сделал вывод, что мой двигатель, который позволит мне хлебать быстрее – это ложь. Я предпочитал её называть игрой в завтрашнего себя. Я рассказывал, что я уже велик, в тот момент, когда я лишь смотрел завидно в сторону величия. Я побывал всеми блять, и футболистом был в глазах девушек, и брокере-

ром, и финансистом, путешественником и даже пилотом самолёта!

Не смотри на меня так, лучше подумай... Ведь ты видишь её, и понимаешь, что из вашей встречи ничего, кроме унылого пьяного секса в отеле не выйдет, так почему бы не потренировать актерскую игру? Очкур писала, что: «Я – женщина и значит я актриса, во мне сто лиц и тысяча ролей», а мы с тобой чем хуже? Я в своей жизни самолёт то раза два видел, так почему бы мне не найти ебучую брошюру для поступающих пилотов, прочесть её и рассказать какой-нибудь whore, что я летаю не только во сне, но и наяву? Вот именно, Лёх, не вижу причин отказываться от этого удовольствия. Если кайф от встречи можно преумножить, так почему-бы мне этого не сделать?

Вот я, Лёх, как ты думаешь, зачем все это делал? Куда я иду? Для кого это все? Да для тебя, как оказалось в конце. Этот подвал – братская могила вчерашних нас с тобой. Поэтому я и не прекращаю рассказывать и, параллельно, причинять тебе боль за каждый мой грех, чтобы ты за него заплатил, чтобы прочувствовал то, что происходит у меня в голове.

Я вот долго искал спокойствия, а в конце находил лишь грехи и приключения. И знаешь, что? Я сделал вывод, что даже самые интересные приключения, самая драйвовая жизнь и самый ёбнутый на свете стиль бытия тебя все равно приведет в уютный домик, под названием «депрессия». И

когда я, наконец, понял, во что превратился... в общем было уже поздно. В какой-то момент я подсел на панику, и стал искать любовь вокруг. Сначала девушку, что пошло. Потом мелочи – что истинно и прекрасно.

Знаешь, Лёх, ведь большая редкость в современном мире – поиск любви ради семьи и продолжения своего рода. Скорее всего в современности поиск семьи – это побег. Поиск отдушины за все твои деяния. Поиск хоть какой-то любви в мире, в котором у тебя совершенно все пошло не по плану. Ты не миллионер, у тебя куча кредитов и бедность вокруг тебя. Все твои друзья уже либо покинули тебя, найдя себе человека попривлекательнее в моральном и материальном плане, либо и вовсе пропали. И в такие моменты ничего не остается, кроме как взвалить груз собственной ответственности не только на себя, но и на кого-то того, кто точно будет рядом. А кто это, как не супруг и не ребенок. Весь день ты горишь в аду, выслушиваешь на ненавистной тебе работе все, что о тебе думают. А хорошее думают редко. Встаешь в раннюю рань, чтобы добраться до этой самой работы. Все делаешь, чтобы дожить до вечера, прийти и увидеть, как хоть кто-то за весь день действительно рад тебя видеть. Родная, родной, родные, дома. Ждут и чтут. И в этот момент происходит фатальное в жизни любого человека, а именно смена парадигмы на всю свою жизнь. Отказ от поиска пространства абсолютной свободы и переход к оседлому образу жизни, где тебя ждет спокойствие. А далее просто, если ты сделал это

слишком рано, то ты будешь несчастен, так как дух авантюризма поиска абсолютной свободы в тебе ещё совсем не угас, либо ты обретёшь то, что давным-давно искал. Счастье.

(V) A

— 24kg

|||

17....

Скуууукаааа....

Знаете, что? Да хуй с ним, с этими главами, частями и прочим бредом. Мы с вами здесь не за этим собрались. Не хочу дальше ничего делить. Я лентяй и бездарь. Буду тут хулиганить.

После О БОЖЕ ВНЕЗАПНО неудачных попыток вернуться из пучины испорченных и грязных мыслей в обычную, размеренную человеческую жизнь, знаешь, что? А не вышло никуя. Я уже стал чудовищем, и назад не было пути. Оставалось мне лишь одно – взглянуть на бездну и нырнуть в неё как можно глубже, не жалея ни о чём.

Ну так вот... Это случилось в Текстильщиках.

Ты видел когда-нибудь полную ванную straponов, вибраторов и прочих приборов для разнообразия домашнего досуга? Я видел, прикинь. Полная ванная блядства, с ума сойти. Страшный день был, если бы только я смог его забыть. Но увы, кажется я жил ради этого дня. Всё, что я делал до этого со своим сознанием и телом аукнулось мне трижды.

С чего бы начать..., Пожалуй, с того, что я познакомился в клубе с Алесей, да, именно через «А». И вот как бы так подольше пожить, чтобы побольше таких историй пережить! Короче слово за слово, сидим, выпиваем, разговариваем на отвлеченные темы. Она была вполне себе симпатичной. Тонкое обтягивающее платье, голые плечи. Видимо, лифчик был без лямок. От этого факта мне стало немного грустно, ведь

я собирал эти дурацкие лямочки. Идея собирать лямочки от лифчика родилась случайно, но продержалась целых три года, примерно на этой girl я закончил их собирать. Эх, а я ведь мечтал сделать из них какой-нибудь крутой предмет одежды, но так и не хватило.

Что за лямочки? Сейчас расскажу.

Короче, к концу студенческого времени я мечтал насобирать разных лямочек от лифчиков, и потом сшить из них что-нибудь. Может даже что-то крупное. У каждой из девушек, с которой я спал, в качестве трофея я забирал лямочку от лифчика. А началось с того, что три девушки подряд мне их сами отдали, забавно, не так ли? Ну так вот. К тому времени я скопил скромную баночку из-под кофе, полную ленточек разного цвета. Особо ничего не сошьешь, да и лифчики выросли в цене, поэтому многие просто отказывались отдавать в конце лямочку, а жаль. Мне нужны были доказательства грехов.

Но спешу тебя обрадовать, Лёх! Они не пропали даром! Вот верёвка, которой ты связан, как ты думаешь, из чего сделана? Да, именно из них.

Ээээ... У тебя аж глаза блеснули, развратник ты хуев. Не твое вот и бесишься, и вообще, прекрати мычать. Ты даже с полным ртом крови умудряешься меня перебивать, как ты это делаешь?

Заткнись! Давай лучше вернемся к Алесе. Как оказалось, в разговоре – работа её весьма и весьма странная, пообещала

меня привезти туда и познакомить с коллегами, за одно продолжить там вечер. Честно признаюсь, я думал меня везут на корпорат. Думал мы там будем тусить, танцевать музыку и разрисовывать лица заснувшим коллегам и прочие шалости половозрелых лбов. Но в реале оказалось всё немного по-другому.

Ехали мы неприлично долго, казалось, целую вечность. Когда в твоём организме гораздо больше алкоголя, чем он может без проблем переварить, то время либо летит как бабка к мусорке у продуктового в семь утра, либо тянется как так же бабка с баулом просрочки домой. Водитель громко разговаривал с кем-то по телефону, на своём таксистском языке, а я слушал это как песню. Неприятную, непонятную, современную песню. Думал о том, как было бы круто сейчас услышать необыкновенно живое звучание джаза. В общем ехали мы неприлично долго. Меня тошнило, крутило живот и голову. Под ритмичный стук висков играл джаз, а я пытался не блевануть, ведь впереди меня ждет блядство, разврат и, возможно, продолжение попойки. И, наконец, вот он – заветный домик. Много квартир, монструозно-огромный дом. В тот момент я подумал, что это самая большая и самая завораживающая панелька в мире. Много окон, за которым таится своя история, но да Бог с ними, я за своей историей приехал.

Мы поднялись в лифте, я оценивал руками её упругое тело. Тонкая талия, над ней под тонким слоем нежной кожи

начинаются рёбра. Опускаюсь ниже – сильной рукой пробую задницу. Интересная, вполне. Она поворачивает резко голову на меня и втыкается своим взглядом в мои глаза. Она так резко повернула, что, кажется, порезала воздух ресничками. Воздух сразу закровоточил запахом её духов и лёгким женским перегаром. Я ухмыльнулся и за задницу притянул к себе. Щелчок поцелуя, потом звон лифта. Щёлк, дзынь, делаем шаг в сторону квартиры. Ещё шаг, вот дверь. Открывается приятным похрустыванием старой обивки.

Внутри меня ждало нечто... вот Лёх, не знаю даже как описать. Как-будто открыли дверь в иной мир. Повсюду всякие шторы, дизайн желто-красно-кислотно-блядский. Это был... ну как эту штуку назвать. Блядовальня? Притон? Дрочильная? Публичный дом скорее. Интересное место. Внутри было очень много полуголых девушек разных калибров, мулатки и темнокожие, толстые и худые, властные и скромные, но одинаково одно – еле заметная тоска во всех глазах. Вокруг было так много спящих туда-сюда глаз, но ни в одном не было блеска жизни. Никто никого не любил, никто не хотел даже существовать. Вся их жизнь описывалась словом «блядь», и видно, что даже столь нестандартный вид деятельности стал для них бытовухой.

Тут была и невероятного вида девушка, лет двадцати. С такой я бы переспал разве что на спор, ведь она была огромная, раза в три больше обычного лесного тролля. Но лицо такое доброе, а глаза хитрые. Как мне сказала моя новая подру-

га – отбоя от клиентов у неё нет, потому-что с ней один раз попробовал, и уже больше не можешь смотреть на обычных шлюх. Потому-что это, хоть по виду не скажешь, не шлюха – а царица. Царица кивнула мне головой, немного с опаской. В её глазах читался страх, первородный. Выходит, что даже царицы умеют бояться.

Чуть подалее в коридоре, прямо посреди убранства блядовальни лежала совсем молодая белокожая девушка. Её кожа была такой белой, что светилась. Но светилась и даже близко не так ярко, как её хрустально-серые глаза.

– А вот и Алиса, познакомься, у неё имя как у тебя прям! – сказала мне Алеся. Алиса сидела на полу в прихожей и пыталась собрать пазл. Она будто не замечала людей вокруг, спокойно переставляя детальку за деталькой. Все шли, и ловкими шагами перешагивали её. Будто она не человек, а коврик в коридоре. Она напомнила мне ту, с туалета. Кожа белая, вся тоненькая.

И в этот момент я начал догадываться. Вот оно! Точно! Моё чистилище. Нет, это не притон, я ошибся. Это Высшие оставили меня здесь, вне всякого сомнения. Кто-то мне хочет что-то сказать, наверное. Прогуляюсь по квартире, посмотрю внимательнее. Я должен найти улики в прошлом, чтобы решить наконец, что делать с настоящим. Но у Алеся были свои планы на ситуацию.

Легким движением руки Алеся схватила меня за шею и притянула к себе. Она прошептала: «Умоляю, поступи пра-

вильно сегодня». На щеке я почувствовал поцелуй, который разгорелся до укуса. Ты представляешь, эта сука откусила мне кусок щеки! Вот! Видишь этот шрам? Это всё она!

Но это было только начало вечера. В яростном танце нашей страсти она толкнула меня в одну из комнат, в последний раз улыбнувшись покрытыми кровью зубами.

Представь себе, Лёх. Это был не сон, это был тот самый, настоящий серпентарий, где самая ядовитая тварь – это я. Все они были падшими людьми по мнению мира, но я видел в них личностей повыше себя. Они не обманывают никого, оставив меня они не стали счастливее, но остались собой. Вот и Даша впереди, которая прямо сейчас делает фотографии для меня. Когда-то давно я встречался с ней, и еще с тремя девушками одновременно. Я был спортсменом, копил поцелуи и собирал в тщеславную корзину разбитые сердца. Моим спортом и был танец с тем пиздецом, который я сотворю завтра. Я подошел к Даше. Она ловко спрятала свою попу сначала в трусики, потом в лосины. Подошла ко мне, обняла и бросила в меня свой поцелуй. Она мне сказала, что будет снова со мной, если я принесу ей конфет. Её любимых конфет, трюфельных. И цветочки оранжевые, они в этом районе продаются. Как ты думаешь где? А она не сказала, только чмокнула ещё раз, выдохнув напоследок слово «ищи сам». Легонько толкнула меня и я вывалился из дверного проёма. Ноги подкосились, и я падал... очень долго падал. Как в этих ебучих фильмах, где чел проваливается в портал, во, я так

же.

~~№5.А~~

Неказиңы

Нек

Неказ

Неказиңы

Неказиңы

Неказиңы

Упал... Закрыв глаза. Опять эти дурацкие цветочные пятна. Только в этот раз от боли. Спина, голова – всё пульсирует. В висках будто мышцы скребут и бьются.

Я очнулся на бильярдном столе. Блять, Лёха. На бильярдном столе! Ничего не понимая я немедленно попытался прыгнуть с него и убежать из этого проклятого дома, но кто-то похлопал меня по плечу. За спиной я увидел её. И, Лёх, я не знаю, как описать это чувство, но кажется я увидел ангела. Настоящего ебать его в рот ангела! Без крыльев, без нимба, но с небесами в глазах. Девушка-ангел стояла у бильярдного стола и очень зло смотрела на меня. Со стороны это выглядело, будто небеса её прекрасных глаз затянуло тучами-ресничками. Она аккуратно поставила кий у стола, замахнулась и отвесила мне самую жгучую пощечину в моей жизни. Опять появились блядские круги перед глазами. Всю ненависть взгляда вложила в этот удар, сучка-ангел. После она взяла меня за ворот, притянула к себе и страстно поцеловала. Я думаю у этого стола состоялся самый крутой поцелуй в моей жизни. Распалённая от удара щека и нежный поцелуй, будто мне сделали искусственное дыхание, пытаюсь заставить меня снова жить.

Она хитро улыбнулась, схватила меня за руку и потащила в туалет. В моих мыслях была только одна фраза «Алис, тебя сейчас трахнет девочка-ангел». Мой разум не поспевал за её действиями, я находился будто в трансе. Моё зомбирование нарушил скрип двери туалета и её руки на моей шее.

Крепкой хваткой она вцепилась в меня и начала душить. Её маникюр перекрашивался в красный, а я ничего и сделать не мог. Ну почему я тогда не умер? Это и была бы лучшая смерть – в этих руках. Закатываю глаза и иду на свидание на порядок уже подзабывшим цветным кругам, но не дошел. Потерял сознание.

Лечу куда-то. Алеся мне показывает картины прошлого, я всё ещё в этом борделе. Я кричал ей:

– Ну в чём я не прав то? Покажи мне то, с чего всё это началось? Когда я потерял себя и стал таким? Покажи мне начало моего пути в твою квартиру. Я останусь, так и быть, только помоги мне!

До боли зажмурил глаза.

Очнулся студентом, в общежитии. Трогаю лицо – щетины нет. Борода не растёт еще, а живот уже начинает, а значит мне примерно двадцать два – двадцать три года. Блять, так вот оно какое – настоящее *back to the future*.

Моргнул.

И вот я уже иду к универу. А по пути, на земле вижу флеш-карту. Маленькая такая, черная. Милая и аккуратная, с лёгкими царапинами. Пахнет духами.

Моргнул.

Я сижу на старом стуле, в общежитии. Ноутбук открывается со скрипом, все клавиши в крошках. Всё вокруг ужасное, но такое родное. Вот бы все любили беспорядок так же, как и я!

Вставляю флешку, а там курсач. Нашел её, красивая ока-

залась. Влюбился немного даже, опять эти глаза. Прямо как у того ангела, только наглые немного.

Моргнул.

Отдаю ей флешку. Она немного краснеет, кажется я коснулся её руки. Случайно подумал, что кожа была той самой. Как я ищу прямо, атласная, гладкая. Такая, знаешь вот, чуть надавил – почувствовал косточки. Попробовал на вкус её взгляд – распробовал, понравилось. Хочу ещё, а значит время звать на свидание. Но как это сделать, я же слаб? Тот Алис был слаб. Не как сегодня. Сегодня я хорош, я смог встретиться с Лёхой. А вчера и тогда я был ссыклом.

Моргнул.

Вот мы с другом сидим на диване, пишем письмо с призывом пойти в кино. Пишем прямо в личку этой гордой представительницы милолицых. Согласилась – я охуел. Зассал опять, но пошел рисовать комплимент в виде её милой мордочки, карандашом на бумажке.

Моргнул.

Стоим у кинотеатра, фильм давно закончился. На её волосы падает первый в этом году снег. Улыбается – понравился. Я или фильм? Не ясно.

А я даже не помню, что это был за фильм и о чём он, полсеанса ведь смотрел на неё. Актеры в этом фильме некрасивые, и ангельских глаз ни у кого нет. А у неё есть, вот они, прямо передо мной. Я в их отражении фильм и смотрел, а она повернулась то всего пару раз. Наверное, всё-таки фильм

понравился больше.

~~105.A~~

~~B 100~~

И вот тут, Лёха, она и выбрала тебя. Я помню, отчётливое «Нет», адресованное мне. Свидание кончилось, на следующий день ты пришел к ней, и её ноги сделали вид, что поругались друг с другом.

Ты вышел оттуда. Ты ударил меня, очень больно. Прямо в переносицу. Опять цветные круги, и я лечу вниз.

Упал. Ударился головой об чью-то ногу. Я был заметно старше, в глазах потухла искра, зубов стало по ощущению меньше, а настроение как будто давным-давно и безвозвратно испорчено. Встал, отряхнулся. Я подумал, что нужно срочно отвлечься от этого дерьма и промочить горло самым дешевым пивом. Делаю шаг в сторону барной стойки, а на ней меня уже ждет самый дешевый и пенистый стакан в моей жизни. Кажется, что то пиво было лучшим, будто я бежал кросс по жаре, и единственное, что из жидкости у меня осталось – это этот стакан с пивом. Я выпил его большими жадными глотками. Каёмка стакана загородила меня от окружающего мира, заполняя мой желудок приятной прохладой ячменного напитка.

Допил, характерным стуком дно стакана ударилось о барную стойку. Позади меня играла свежешедшая из гаражей панк-группа. Вдруг на моё плечо упали тонкие и длинные пальцы. Они были слегка морщинистые, немного прохладные, все в кольцах. Будто девушка, которой принадлежала эта рука, окунала её в сумку грабителей ювелирного магазина. Я повернулся и чуть было не ударил её лбом.

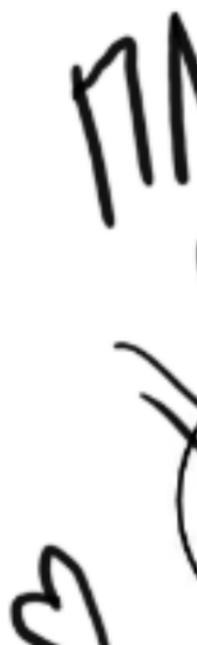
Моргнул.

Я плохо помню события той встречи, поэтому, когда Алеся мне рисовала образы, каждый раз моргая я перемещался в самый яркий момент вечера. Мы целовались, и это было странно. Страшно немного, я ведь видел её всего раз и в темноте. Этим грязным, спонтанным поцелуем она будто перегрызала шею принцу внутри меня, оставляя он него выжженное похотливое тело. Вот я и попал. Она была сильно старше, но мне уже было плевать.

Она сбежала, а я впервые приоткрыл дверцу моего шкафа со скелетами. Теперь я уже точно знал, что пока я не покажу его миру – нет мне прощения. Горгоны, виверны, тролли и змеи повсюду, а людей то и нет совсем. Но если вдруг рядом со мной пройдет настоящий человек в этом сне, то я буду готов. Я скажу, что мой шкаф со скелетами всегда открыт – вот он, смотрите! Все напоказ! Это моя честь – а честь должно быть видно. Дальше было страшно, Лёх, я не хочу тебе об этом говорить. Потом меня опять ударили, по голове. Это была крышка багажника.

Кстати, из багажника классный вид и там уютно. Лёжа в нем, пока цветные круги танцевали у моих глаз я подумал, что же будет дальше. Откуда во мне эта жестокость к миру и к себе? Кем я стал? Зачем я стал тем, кого не понимал всю жизнь? Машина тронулась, инструменты в багажнике начали падать, и я вновь погрузился в такое привычное забвение.

~~1501~~

Очнулся снова. Переулок, темнота. В моём кармане ножик моего дедушки, он с ним за грибами ходил. И девушка со мною рядом, а мне снова 17. Она идет немного впереди, а я позади, с ножиком. Я её знаю – это моя подружка. Услышал от кого-то, что она даёт, а я как раз взял бы. Хоть попробовал бы разок взять. Потрогать другую кожу, гладкую и нежную. Но я с ножиком, почему? Таким маленьким и нелепым ножиком.

Ах, точно! Я хотел испугать эту маленькую блядь, чтобы она обратила на меня внимание. Я же долбаеб и люблю веселиться. Подошел к ней сзади, очень тихо. Крался так, что мысками дешевых кроссовок из кожзама чувствовал, как гну траву. Мне был важен эффект неожиданности. Мне было важно стать насильником, но на секундочку. Мне было важно испугать её до ахуя, ведь её милому детскому личику так идёт ужас.

Приблизился к ней, поднёс нож к голове моей жертвы. Рядом с её белокурыми локонами я нажал кнопку на ножике, после чего он с характерным и весьма узнаваемым звуком разложился в полноценное орудие для убийства. Странные штуки – эти ножи. Если он на фоне леса, то для грибов, если на фоне стола – то для колбасы, если на фоне мангала – то чтобы мясо проверять, а если на фоне этих белокурых волос – то только для того, чтобы она на секундочку поверила, что её сейчас зарежут и выебут, или наоборот.

Она обернулась, крикнула и рванула что есть сил в сторо-

ну темных домов от меня. В её лице я увидел то, что ждал так долго, а именно первородный страх. Поиск возможности выжить в окружающих предметах, мольбу о помощи и сведённые от страха скулы, широкие зрачки, вздернутые вверх брови, да я блять буквально услышал её сердцебиение! Это был восторг, я тут же со смехом побежал за ней, догонять. Правда, честно говоря, забыл нож сложить. Просто смеялся и бежал за ней с ножом, пока не споткнулся и не упал на него. Истекая кровью, я ждал новую порцию цветных кругов, думая о том, какой-же неудачливый маньяк попался ей. А ещё подумал, что все это киношное и книжное описание проникновения ножа в живот – всё хуйня. Не чувствую я этой холодной стали, нету судорог, не держусь и не кричу. Просто – теперь у меня нож в животе, и всё тут. Торчит, тёплый от крови и живота. А внутри – колется. Но тебе похуй, ты просто засыпаешь. Медленно и грустно засыпаешь.

И в тот момент, дорогой мой Лёха, со счастьем в глазах я поверил, что наконец-то сдох. Вот он – я! Прекрасный принц умер совсем не от дракона, а от ёбанного ножика для грибов, на который сам и напоролся. Та тёлка давно уже убежала, а я лежу на асфальте, весь такой красивый и тёплый. Улыбаюсь широко, будто в гримасе болевой, прям как ты сейчас. Но вдруг, о чудо! Я снова очнулся. В этот раз не упал, просто моргнул в одном мире и очнулся в совершенно ином.

Я увидел трёх детишек, двух мальчиков и девочку. Будто летал над ними. Алеся появилась рядом со мной. И она ска-

зала мне:

– Вот смотри. Ты отличаешься от этого мира, и отличаешься от меня. Мир, в котором ты сейчас оказался позволит тебе стать снова настоящим человеком. Ты – странник, и я покажу тебе, как устранить паразитов сего мира. Рая нет, и ада нет. Есть пустота, в которой ты сейчас находишься, и в которой был рождён. Вы – люди, все вам интересно, что же будет после смерти, хотя ответ прост. Будет ровно то, что было до рождения – святая пустота и тишина. Пустота, из которой появляются люди, один в один похожие друг на друга. А настоящими людьми, или как вы выражаетесь «личностями» они становятся, проходя жизненный путь. А жизненный путь выбирается на самом начальном этапе. На самом деле посланники у нашего чистилища в мире разные. Есть «чистые», такие как любовь, вера и так далее, а есть и «грязные», такие как похоть, смерть и алчность.

– А! Погоди-погоди, я, кажется, понял. Это типа как семь смертных грехов? – ответил я Алесе.

– Нет, там немного по-другому. Ваши грехи – это, конечно, здорово, но многие из них утратили былую силу, а многие расцвели. И ставить младенца в один ряд с титаном не позволено. Вот, например, гордыня, разве это сила? Она не так много жизней испортила, как, например, та же похоть. Зависть – да хуй с ней, как ты скажешь. Почти все ей наслаждаются давно уже. Алчность – тут да, вопросов ноль, но ей заниматься будет другой человек. Гнев нормален, это вы

его себе сами придумали, как и уныние. Чревоугодие тоже вещь странная, нам с чистилища вообще похуй на ваше чревоугодие. Мы тут на приколе, мы даже филиал чистилища на Текстильщиках открыли, чтоб звучало смешно. А вот похоть довольно страшна. Даже мы тут охуеваем сидим, сколько она людей портит.

– Ну хорошо, предположим. А я нахуя? Зачем ты мне всё это показываешь?

– Ты должен предпринять очередную попытку спасти мир. Понимаешь, Алис, тут совсем беда с местами. Как в общаге уже, места нет. Жопа к жопе живём, а люди страдают. И в нашем мире, и в вашем. У нас процентов шестьдесят по похоти попадает. Потому как похоть ваша – это вещь двухсторонняя. Должна, вроде как, дарить наслаждение всем участникам греха, а дарит в итоге одному счастье, а второму горе, а лучшая подруга горя – смерть да уныние. Вот я тебе и показываю, какой след ты после себя оставил. Многие из этих девушек тебя уже давно забыли, но многие остались несчастливы. Вроде такая мелочь, по твоему мнению – член, но сколько ты им дел натворил. Сколько жизней испортил пустяками. Да, они живут как и раньше, но из головы выкинуть тебя не могут. Свою похоть преподнося как их надежду ты испортил их мир. И для чего?

Вот. Типа того она мне сказала, Лёх. Я был в панике и не знал, как мне правильно поступить. Вот ты бы как поступил? Всю жизнь ты только и делал, что добывал себе удовольствие

из зачастую невинных тел, не боялся лгать, не брезговал разрушить их мир. После себя – гори всё синим пламенем. В тот момент я поверил, что мы с тобой – есть новые пророки этого греха, и только я способен всё изменить. При помощи тебя мы спасём этот мир. Ты спрашиваешь, что же было дальше? Ну так слушай.

Он показала мне судьбы нескольких людей. Я должен был познакомиться с ними, узнать, где они повернули не туда, чтобы спасти последующие души от попадания в чистилище.

1501

Передо мной было три ребенка, как я уже говорил, два мальчика и девочка. Я был рядом, я прожил каждую из этих жизней. Началось всё с маленького мальчика по имени Максим.

Макс жил прекрасную жизнь. Ровные стены дома, запах свежей выпечки каждое утро. Мама в красивом платье, и пахнет от неё домом и духами. Идеальная семья. Идеальный дом. В таком даже вода из-под крана горячее, всё не так, как у меня. Всё вокруг такое, отвратительно аккуратное. Среди такой красоты и покоя всегда меньше искренних улыбок.

Максим рос в довольно богатой семье, потребностей не испытывал с детства. Как и у многих богатых людей у них были некоторые странности по воспитанию детей. Максим не отличался добрыми родителями, подвергался вечному контролю, и до четырнадцати лет ему вообще запрещали выходить на улицу. После сотен скандалов ему всё же разрешили понемногу выходить в мир, а точнее к другу. Даже с ночевкой можно было, так как мама Максима хорошо знала маму его друга. Начиналось всё довольно невинно, но в какой-то момент Максим понял, что он любит мужчин. Либо эстетично красивых, либо богатых. Сложно понять то, что творилось в те моменты в его голове, но по причине, возможно, прямого влияния родителей внутри его дома, которые вечно ему всё запрещали и непоколебимой доброте от друга и его матери он попытался сбежать из дома. На один вечер. Во взрослую жизнь.

Пятнадцать лет. Максим сказал, что пошел к другу с ночевкой. Друга попросил прикрыть. Добрая мама друга тоже прикрыла его, пока Максим пошел покорять взрослую жизнь.

А дальше всё почти обычно. Пугает лишь то, что история его жизни странная, но уже обыденна. Дальше была белая ночь, встречные машины в богатых кварталах, протянутая рука, остановка автомобиля, морщинистая рука на коленке мальчика. И сложно его обвинять в чем-то, ведь его жизнь все время была под куполом родительского непонимания и ограничений, в то время, как эта морщинистая рука взрослого мужчины, плавно поднимающаяся от гладкой коленки к паху, была той самой вещью, которая разбивала купол морали его жизни и отправляла летать, но не в небеса, а сразу в космос. Как ему казалось. На самом деле это были первые шаги в чистилище.

Добрый мальчик Максим прилежно учился. Хороший мальчик Максим любил книжки. Милый мальчик Максим знал, что деньги и власть – это хорошо. Красивый мальчик максим полюбил мужчин с деньгами. Буквально через год он давал себя трахнуть только в машине, которая стоила дороже десяти миллионов рублей, так как дедушки с деньгами на дорогих машинах не любят обычную жизнь. Они давно стали олицетворением всех грехов, погрязнув с головой в болоте скуки, а как известно скуку способны развеять не так много вещей, и одна из них – это юная подтянутая задница Макси-

ма. Он знал себе цену, если машинка дяди стоила дешевле – то он соглашался только на минет. Деньги у него всегда были, просто внутренний ребёнок кричал ему, что он тоже может быть таким, как папа, только лучше! Он великий, и уже сейчас! Прямо сейчас он идёт к беззаботности, заработку, величию, и самое главное – власти над внутренним миром. Каждая из этих разноцветных машинок увозит его все дальше от милого дома к той ужасной бездне, в которую он так сильно мечтал попасть! Деньги были не важны – он их даже не тратил. Потом только для разнообразия услуг завёл себе коллекцию anal plug. Одежду покупал, красивое бельё.

Понимаешь, Лёх. Я все не мог понять до конца, для чего? Каков должен быть конец этой истории, чтобы я уверил себя в том, что он прав? Зачем он все это делал? Но однажды я летал над ним, когда он спал. В этот раз у друга дома. Друг, кстати, ни о чём не знал, и даже не подозревал. Они спали на одной кровати, уставшие после долгой игры в карты.

Максим лежал рядом. Я присмотрелся – он всё-таки не спал. Он смотрел на спящего друга. Очень долго смотрел, будто, не решаясь что-то сделать. Максим лежал, зажав одеяло между ног и протягивая свою голову всё ближе к другу. Аккуратно, невероятно нежно коснулся его щеки, боясь разбудить. Проводил тыльной стороной ладони по детскому пушку на щеках, и наверняка о чём-то думал.

В следующий раз мне казалось, что Максим что-то подсыпал другу в напиток, ведь он был уже смелее. Друг отклю-

чился и Максим посыпал поцелуями щёки и плечи друга.

Так продолжалось очень долго. Иногда по ночам Максим гонял по дорогим отелям, где с радостью обслуживал двоих-троих мужчин за ночь, а то и за раз.

А как приходил к другу – нежно гладил его, пока он спит. Кажется, он наткнулся на тот самый кусочек золота, про который я рассказывал тебе раньше. Однажды друг проснулся и тоже коснулся его щеки.

Потом был поцелуй, который плавно перешел в секс. Это была не та стрёмная ёбля с дедами в отеле – это был первый секс Максима. Он чувствовал! Ни власть, ни деньги, ни величие – а любовь. Этот секс был не похож ни на что. Этот секс был тем самым сгустком эмоций и любви, которую он никогда не мог получить. Он выглядел так, будто в тот момент сбылись все его мечты. Всё-так люди очень странные. Пытаются добыть чувства через власть и деньги, в то время как всё, что нужно для заполнения их души – это любовь. И даже неважно, какая она, ведь Максим с другом в этот момент были счастливы, точно так же, как и их родители, когда впервые почувствовали тела друг друга.

Это был фейерверк для обоих, всё закончилось. Но внезапно подкравшийся ужас в глазах друга разрушил сформировавшуюся идиллию в их сердцах. Дальше было... что-то странное. Хлёсткий удар кулаком по лицу Максима, потом ещё, и ещё. Красный, весь в крови, кулак друга. Частое дыхание обоих. Вся страсть в комнате в один момент стала кош-

маром, который прерывался криками:

– Это ты! Ты пидор! Ты сделал меня таким же! Господи боже, зачем я это сделал с тобой! Я не знал... Блять, как ты стал таким? Что это сейчас было?

Максима выгнали на улицу, буквально вышвырнули. Домой вернуться нельзя – родители не поймут, а в этот дом ему больше нет пути. Ужас, который творился в его голове тогда ни я, ни ты не можем себе представить. Только подумай, ведь он, казалось, наконец нашел то, ради чего жил всё это время. И судьба отняла у него это в секунду. Или... Это всё же была не она. Давай подумаем.

Начнем с простого. Почему он стал таким? Да не геем, таким он родился, я про другое. Почему именно стал? Зачем он посвятил свою жизнь поиску величия и похоти? Я считаю, что ради той самой любви. Никогда ни деньги, ни ругань, ни ограничения не смогут рассказать близкому тебе человеку, как велика ваша любовь. Они смогу лишь спроецировать твои собственные проблемы на ребенка. Да, Лёх, ты правильно понял. Я думаю его вины в этом нет, ведь он родился совершенно не зная этот мир. Единственным инструментом к познанию мира были его родители. Его личные спутники в его жизни. Это они рассказали ему, что такое хорошо и что такое плохо. Это они убедили его в своих собственных истинах, в то время как еще не нашли их.

Нееее, нихуя. Я тут с тобой, в подвале и свободе, а значит и язык мой свободен, как и мысли. Все они – ёбнулись. В

момента появления цели заработка денег ради ребенка они просто забыли про ребенка, сделав его удобным сувениром на полочке дома. Не, ну а чё? Сувенир никуда не ходит, захочешь передвинуть его – передвинул, и всё хорошо. Они просто забыли, что он такой же человек, как и они сами. Знаешь, что сделали его родители? Вместо создания фантомного, идеального образа святого, к которому любой из нас должен стремиться, они вселили в него свои образы, уверив его в том, что так жить правильно. Но только Лёх, вот в чем проблема. Человеческий организм – вещь податливая. Вот смотри, ты, например, скоро сознание потеряешь и никогда не выйдешь из этого подвала. Были бы инструменты – и из человека можно сделать буквально что угодно. Хочешь ты, вот, например, человеческую собачку – да пожалуйста. Укради девочку ростом поменьше, удали ей руки и ноги до колен, вколи пару препаратов и вуаля – готов человеческий щеночек. При должной дрессировке даже лаять можно научить, и на лоток ходить. Только если ты этого хочешь, то значит у тебя проблемы. Огромные проблемы с головой, братан. Я про такое только читал. Кстати, такая собачка – есть тоже результат недостатка любви маньяка, как по мне.

А внутренний мир... он сложен и нерушим. Уничтожь ты ту же собачку полностью – ну не сможешь ты убрать из неё человеческое. Она всё так же будет любить не как собака, а как человек. Потому-что строила себя всю жизнь. И главная загвоздка в том, что люди не осознают, что строительный

материал для ребенка дают первые десять лет только они и никто другой. Проще всего сделать удобного ребенка, но из него может получиться Максим, который в меру собственной сложности много ошибался, но до конца всем был удобен. А сложнее всего, дорогой мой друг, воспитать свободного человека. Свободного в любви и взглядах человека.

Слышишь меня, Алесья! Вот ответ для первого ребёнка! Это любовь! Она спасёт всех. И его тоже спасёт. Любовь и понимание. Если бы только они были у родителей этих ребят, то, я уверен, всё было бы иначе. В светлом завтрашнем мире, когда мы освободим наше чистилище, все поймут всех. Каждый из нас станет венцом творения, великим. И только любовь с пониманием смогут повести нас.

~~Handwritten scribbles~~

8:30

Чер
гид
Крива

9:20 -

28.08.20

Второго ребенка звали Ева. Маленькая девочка с пухленькими губками, острым носиком, наглыми голубыми глазами и большими неприятностями, которые ждали ее в будущем. Но сейчас не об этом, сейчас она еще маленькая и счастливая. Росла она в провинциальном городе, была семья, но не полная. Родители старались давать всё, отказывая во всём себе, и так в этой девочке из года в год росла тяга к роскоши. У неё не было отца, поэтому с детства она нуждалась в мужчине рядом, буквально голодала без мужской руки. Лично я не знаю, как такое могло произойти, мать её была вполне самодостаточной женщиной. Возможно повлиял сравнительный детский взгляд на другие семьи, либо то, что мать сама всегда акцентировала на этом внимание. Каждый возможный раз она упоминала о том, что батенька её пидорас. В общем – семейное положение необычное. Любовь у неё тоже была не обычная. В то время, как все одноклассницы гонялись за высокими, смуглыми и кареглазыми пожирателями детских сердечек её тревожил относительно молодой учитель биологии. Он был грамотно сложен, властен в разговоре, владел пронизательным взглядом и, соответственно, огромным соблазнительным потенциалом. Сложно было не поддаться ему. Она представляла, что он был похож на её отца, которого она ни разу то и не видела. Она представляла, что ее отец, как и биолог, был таким, своеобразным прототипом древнерусского человека, мускулистый и с бородой. Спортивный, властный, умный, всегда и везде первый. Вот

бы иметь такого отца, а пока только осталось смотреть на биолога и томно вздыхать, рисуя в тетрадке чёрточки, сердечки да стрелочки. Ева ещё в седьмом классе влюбилась в него до беспамятства. Влюбилась деткой, наивной любовью. Той самой, когда ты всего себя посвящаешь человеку без остатка. Той самой любовью, когда ты готов отдать человеку абсолютно все, что у тебя есть, лишь бы он не отошел от тебя ни на секундочку. Она ходила на все факультативы к нему, исправно делала домашнюю работу и любила часами после уроков обсуждать с ним историю государства российского, написанную в дешёвой тетрадке корявым детским почерком. Когда она сидела с ним за одной партой, то она всегда представляла, что эти губы сейчас не объясняют ей историю, рассекая и целуя воздух, а шепчут ей ласковые слова, лаская её шею, останавливаясь лишь на интимных местах и родинках. Представляла, как он на отработке внезапно взявшейся плохой оценки, после уроков, хватая её за шею, прижимает к парте и жестко трахает, повторяя её имя. Но увы, он мог решиться только на нелепые поощряющие поглаживания по голове, и иногда болтать с ней. Еву это не устраивало, и она начала искать способы сближения с ним.

Это было так наивно и так прекрасно. Если отринуть прочие обстоятельства и проблемы, которые возникали между ней и преподавателем – это было прекрасно. Ева чаще ходила на уроки, оставалась с ним после. Подруга её бабушки вела урок технологии, и бабушка Евы просила её отпускать по-

раньше. Та отпускала, а Ева сразу убежала к преподавателю по биологии, дышать его высоколобыми проблемами, нудятиной и односторонней влюблённостью. Говорила всем, что решают олимпиады и прочую хуйню, но это было прикрытием, она самом деле они просто сидели и тусовались. В какой-то момент она предприняла даже попытку в социализацию и контакт с одноклассниками. Препод любил аниме, одноклассники тоже. Так она за пару суток ебанула почти всего Наруто, лишь бы приняли, лишь бы понравиться. Да Лёх, по подсчетам я тоже думаю, что это невозможно, но тогда какой год то был? Их еще не так много было, но она старательно сидела и конспектировала. Все выходные потратила, дни и ночи. В понедельник стало плохо. Выбирала из серий темы для обсуждений, споров с одноклассниками и преподам. В основном с преподам. Смотрела на одноклассниц – думала, как вклиниться в подружки. А их как раз было нечетное количество, а значит есть вакантное место в дружбе. Девочки ведь по парам ходят, она так думала. Попыталась – не получилась. Но потом она все равно решила, что они тупые, и с ними не о чем общаться, лишь бы биолог был рядом. Большой, сексуальный и умный биолог!

Через время они сблизились. Он относился к ней как к увлечению, но говорил, что она новый смысл его жизни. У неё была ситуация с точностью наоборот. Шутейки шутили, слушали Rammstein. Она ему говорила, что он красивый. Даже очень красивый. А он смеялся и говорил: «Ага, красивый.

Как кот Базилио». В её голове никак не уживался тот факт, что он не понимал собственного могущества и собственной красоты. В ее голове он был абсолютным альфой. Намекни он ей хоть немного, и она тут-же отдала бы ему свою девственность, прямо в кабинете на учительском столе или парте. Он даже тренировалась дома, на расческе. Надорвала себе плевру, научилась делать минет на расческе, старалась. Так и жила, дома она засовывала в себя мамину расческу с чёрной гладкой ручкой, облизывала и пихала себе в самое горло, представляя, что они в учительской после уроков, а в школе они с преподавателем рисовали плакаты, на которых ехидно улыбались новогодние снеговики на дощечках. Он ей рассказывал, какие девушки ему нравятся, а она все пыталась соответствовать им, по собственной детской наивности. Даже покрасилась в белый, лишь бы он её принял. Купила полосатую кофту и ботфорты за одиннадцать тысяч, как в столицу съездила. Она как туда приехала – сразу побежала по магазинам, искать те самые синие джинсы и пиджаки на молнии. Тут ведь тебе и выбор одежды огромный, и тени для глаз разных цветов, а не только коричневые.

Честность в общем была у него, но не там, где нужно. Честность была, а чести не было. И для неё это стало нормой, но при одном единственном условии, только если это ради него.

10.5.7A

В какой-то момент всё стало слишком одинаково. Снова урок биологии, по проектору крутятся умные картинки, а он все подходит к последней парте и поправляет ей осанку. Стоял позади неё, а ей уже надоело наслаждаться его теплом на расстоянии двадцати сантиметров. Нужен был он весь, сразу. Ева должна была действовать.

Через месяц состоялась контрольная работа, Ева специально отвратительно её написала, чтобы после уроков был повод подойти в лаборантскую. День шел отвратительно долго, но ожидание стоило результата. Он вызвал её к себе, он послушно пошла. Нервничала, переживала, думала о последствиях, но не могла поступить иначе. Он показал ей листок и сказал:

– Ты отлично написала, вот, посмотри. – он показал ей листок, написанный другим почерком, очевидно взрослым.

– Но это не мой листок. – с насмешкой ответила Ева.

– Как же не твой, вот, посмотри! – на обратной стороне листочка красовалась её фамилия и инициалы.

Он стоял, опираясь пятой точкой на стол с улыбкой смотрел на неё.

– Меня хотела увидеть, да? – спросил биолог – Что-то случилось?

Она, не проронив не слова подошла, вырвала листочек из его руки, смяла и бросила в урну, и резким движением поцеловала его. Биолог попытался её оттолкнуть, но энтузиазм на это действие весьма быстро пропал, и они слились нако-

нец в поцелуе. Более не было никаких преград перед ними. Четырнадцатилетняя девочка весьма легко и непринужденно свела с ума взрослого мужчину. Хотя тут еще кто кого с ума свел. Сразу после этого, в этой же лаборантской у нее случился первый секс. В порыве уничтожающего все вокруг поцелуя он нелепо пытался нащупать в кармане ключи от кабинета, после чего еще более нелепо сквозь ласки малолетней девочки пытался попасть ключом в замок. Щелчок двери, оборот ключа и более законы внешнего мира над ними не властны. Это был быстрый секс, полный отдачи, страсти и эмоций. Потом она будет сравнивать этот секс с новеньким Rolls Royce. В тот момент она была уверена, что так будет всегда. Когда все закончилось она убежала. Испугалась, да настолько сильно, что на следующий день завалила лабораторную по физике и была крайне злой. Биолог же наоборот, был веселый.

Начиная с того самого раза они трахались постоянно, во всех углах школы. Когда ты покупаешь Rolls Royce, то ты хочешь само собой кататься на нем каждый день, так и Ева, искала каждую возможность схватить биолога за член. Он её брал в своем кабинете, в учительской, на парте в классе, под лестницей, в туалете и на крыше. В какой-то момент им надоело трахаться где угодно, но не на кровати, и он стал её репетитором для подготовки к итоговому экзамену. Приходил к ней домой, спускался вниз по лестнице на три этажа, от жены и детей. Улыбался её матери и проходит в комнату

Евы. Перед первым разом в кровати Ева очень долго готовилась. Подбирала фильм, который будет играть на фоне по-громче, стелила новое розовое постельное бельё, расставляла плюшевых зайчиков и медведей в строгом, взрослом порядке. Мыслила про себя: «Наконец-то на кровати».

Все произошло как в тумане. Он ждал её на улице, ходил за вином, убрал его в портфель и попросил ее выйти, а сам спрятался за дверь, решил напугать. Он ее схватил за пуховик, она со страха ему ёбнула в нос. Он обозвал её дурой, а она его специалистом по коммуникациям. Потом квартира, прихожая, улыбка мамы, вино с продавленной бутылкой, объятия в кровати, подложенный под детский животик плюшевый мишка.

И так проходили первые дни маленькой Евы во взрослой жизни. Она была полностью увлечена им, пока он лгал ей. В принципе, ей было без разницы, есть у него семья и сколько там у него детей. Она знала только одно – он ей нужен.

В один момент школа кончилась и наступила пора выбирать место, где ты проведешь следующие четыре года. Выбор пал на столицу, в то самое место, где синие джинсы, тени для глаз и пиджаки с молнией. Ева никак не могла забыть биолога, а потому обрела главную мечту своей жизни – повторить то самое чувство, которое она ощутила в лаборантской в первый раз. Кажется, что в тот момент она была абсолютно счастлива.

Естественно, биолог никуда не поехал. Только в кино ведь

такое бывает, правда Лёх? Вот и она, ушла в новую жизнь одна. Сначала были переписки, но через какое-то время пропали из её жизни и они. Ева не отчаялась, и решила поступить в музыкальный колледж. Ей был интересен секс. Интересно пособирать парней вокруг себя, поскольку Ева росла без отца, то чётко усвоила, что не стоит ждать от мужчин чего-то серьёзного, да и зачем, когда можно просто пользоваться их страстью и членами. Она уехала из родного дома, появилась потребность в мужчине. Как же его найти? Да еще и в незнакомом городе. Конечно через социальные сети! Там еще и денег могут дать. Она начала писать различным мужчинам, предлагать разовые встречи. Искала постарше, с внешностью как у биолога, хотя бы похожей. Но никто не верил, поскольку ей было всего пятнадцать. Все говорили, что она наркоманка или ментовская. А тут такой прекрасный вариант, и мужчина, и еще и денег дают на косметику.

После начала уже откровенно предлагать себя за деньги, и люди, в основном старше пятидесяти лет, с радостью принимали к себе на вечер пятнадцатилетнюю девочку с рабочим ротиком и задницей. Девственность она продала тоже, но немного позже. Заказывала курьеров из ресторана просто чтоб они посмотрели, как она пиздато живет. Хотя-бы курьеры, ведь никого рядом кроме старых мужиков и курьеров с ресторанными блюдами и не осталось. Биолог теперь в прошлом, ему вряд ли понравится новая Ева. Раньше была Ева малышка, Ева отличница, Ева малышка. Сейчас Еве уже по-

чти шестнадцать, она Ева соблазнительница, Ева-котик. Она не шлюха, она – принцесса. А люди вокруг всё так же – тупое отребье. Пускай они носят деньги, лишь бы она побыла с ними вечерок, и может быть позволила потрогать себя. Через месяц такой жизни она встретила мужчину, взрослого, статного и при деньгах. Ева даже позволила ему накормить себя наркотиками, смешанными с настоящим французским коньяком, ведь как отказать первому «серьёзному клиенту». На вторую встречу он уже представился. Михаил его звали, серьёзный человек, на серьёзной машине, в серьёзном возрасте. Она тоже хотела после прошлой встречи показаться серьёзной, поэтому купила в музыкалке самый дешёвый мефедрон у подруг. Во второй раз секса не было, просто попросил сопроводить его. За пару часов заплатил сорок тысяч, отпустил домой. Михаил был первым и последним клиентом, который был добр и честен с ней. Возможно даже первым и последним человеком.

Перв. примен.

5.5.СБ

ПЛ

Занималась сексом почти с каждым, с кем перекинется парой фраз. Она старалась затрахать в себе чувство любви к биологу. Когда ей было шестнадцать с половиной она обслужила первую сотню «бесплатных» парней, но они все были «тенью» по сравнению с биологом, её любимым биологом. Биолог был её любовью, а все остальные – просто партнерами.

Через год к ней в музыкалку перевелся тот самый биолог, но она уже давным-давно затрахала и задолбила наркотиками все чувства. К совершеннолетию она дошла до круглой цифры в триста пятьдесят половых партнеров. Потом пропал интерес считать, как и пропал интерес трахаться с одними и теми же людьми. Обычно она использовала парней один-два раза и кидала в черный список – потом сразу искала нового. Поиски были не очень долгими обычно, часик максимум. И ее жизнь стала хоть и экстремальна для всех, но обычна для нее. Дома раз в два дня её трахает новый малоизвестный человек, а в музыкалке она с девочками договаривается, какая её очередь ебашить дорогу мефедрона в туалете. Два месяца у неё были только беленькие спортсмены, в поненедельник начала каждого месяца приезжал мальчик, похожий на актера сериала, который она смотрела на момент времени, а во вторник и среду, или в один день сразу – братья близнецы. Она ебалась, как только мама уходила из дома. Нашла симпатичных ребят в музыкалке, и окружила себя сексом со всех сторон. Пару раз в месяц приезжал Михаил, первый клиент

с которым она даже подружилась, платил ей. Сначала сидел, первый час. Просто болтал, узнавал, как дела. Она рассказывала максимально откровенно, кто, где и когда её имел, про мефедрон в музыкалке, про мысли о биологе, которые всё же остались немного, про маму и бабушку, а он слушал, давал ей деньги, гладил по голове – говорил, что она молодец, а потом трахал до искр из глаз.

Потом упал спрос, все-таки ей уже двадцать. Начала брать экзотические заказы. Однажды ей предложили секс вшестером. Она согласилась, поехала в отель. Они нещадно сношали её пять часов, после просто швырнули в неё деньги и уехали, ничего не сказав. Оставили посреди номера, как мусорный мешок. Грязную, вонючую, всю в помаде, сперме и моче. По всему телу следы от плетей, веревок

Но ей было все равно, она думала о листике с написанной биологом контрольной, и о том, что она должна ровно держать спинку.

И вот, Лёх. Что сделало её такой? Явно не родители, как я думаю. Все ведь было хорошо, правда до того момента, пока ей не начали манипулировать. Так было мало чести в этом биологе, что она всю оставшуюся жизнь эту честь искала. И даже когда он сознался в отсутствии серьёзных намерений и чувств просто оставив её – она не прекратила поиски. Она даже знакома не была с ним, по сути. Как образ, созданный в голове полюбила, так и шла с ним под ручку до конца.

Алеся! Ответ для второго ребенка – честь и честность. Я

не хочу более ничего говорить, у меня сейчас слёзы из глаз пойдут. Ой все, блять, началось. Ну сука!

10.5.5

A (y

Tenek

Вот Лёх, и был там еще третий... ребенок. Женя его звали. Родился мальчиком, что несомненно зря, ведь родители хотели девочку. И вот тут ответа я не понял. Алеся до сих пор меня преследует, может ты мне подскажешь, Лёх? Ты слышишь меня там вообще... Ну, надеюсь, что слышишь.

Так вот. Родители хотели девочку, а вылезло существо с настоящим пенисом, маленькое и милое. Семья полная, и мама, и папа, даже старшая сестра. И родители с детства наряжали Женю в девочку, одежду от сестры ведь надо куда-то девать. А Женя был и не против, ему нравилась женская одежда. Она была для него такая удобная, лёгкая и нежная. Каждую зиму в начальных классах он надевал женские нежные колготки под грубые штанишки. В качестве домашней одежды носил сарафаны и платья. С мальчиками он не дружил, они его били постоянно, за противный голос и за то, что Женя очень часто плакал.

К слову, у маленьких детей часто нет сердца и мозгов. Понимать они не умеют не то что родителей, а зачастую и сверстников. Вот лично я, Лёх, когда маленький был голубей жрал и рыбу сырую. Но только голубей, остальных птичек любил и подкармливал. А голубя, бывало, камнем забьёшь, оттащишь с пацанами на крышу разрушенной деревенской школы, ощипаешь по бырому и давай жарить. Чудное было время! Ёбнутый я был, жестокий, но такой счастливый. Жаль, что с годами счастье ушло и осталось остальное... Ну да неважно.

Женя был не такой, оттого и не любим одноклассниками. Женя был не такой, оттого и любим одноклассницами. Он быстро втёрся в круг доверия, в начальной школе они даже с собой его в туалет брали, а он смотрел и любовался юным женским телом, но не с желанием, а с завистью.

Так продолжалось несколько лет, пока в пятом классе Женя не рассказал родителям, что окончательно и бесповоротно решил стать девочкой. Родители восприняли эту идею с охотой, и принялись помогать маленькому Жене. Это было удобно, даже имя не пришлось менять. Теперь все близкие ему люди принимали его за девочку.

К четырнадцати годам Женя была уже красивой девочкой. Родители в тайне от всего мира покупали специальные гормональные препараты и давали их Жене, прям с двенадцати лет. Поэтому в четырнадцать Женя избежала подростковой щетины и прочих предметов красоты начинающих мужчин. У Жени начала появляться грудь, а по причине полной незаинтересованности в девушках она запустила своё мужское начало и заработала фимоз. Но это было не так страшно. Она перевелась в другую школу, родители заплатили завучу и директору, да блять всем вокруг заплатили, лишь бы сбылась их мечта и у них была девочка.

Да, Лёх, я понимаю. В этой истории странно всё. Я её даже не запомнил полностью по причине моего ахуя в процессе познания. Я... я не знаю, что делать с этим мальчиком. Ответа на вопрос я так и не нашёл. Наверное, возможно, ро-

дители в какой-то момент заигрались в мечты и вложили в строительный материал под названием «дитё» свои мечты и желания, вместо того, чтобы помочь ему найти собственные. Но с другой стороны желания ребенка совпадали с желанием родителей. Да, Лёх, я знаю, что желания ребенка не совпадали бы с их, если бы они сразу заложили в него правильные ценности.

Хотя блять, с другой стороны – что есть правильные ценности? Веками составленные устои, хуй пойми кем и хуй пойми зачем. Вот блять, я запутался! Вот поэтому я не могу найти ответ на этот вопрос. Прикол то весь в том, что Женю так и не понял никто, потом она настолько увлеклась, что отказались даже родители. Дааа, Лёх, прикинь, единственные люди, кто был рядом в эти периоды. Единственные, кто был рядом просто бросили её и съебались ко всем хуям. Заперлись в своих квартирах и оставили её тет-а-тет со всем непонимающим миром. Качали её колёсами пол жизни, сами соорудили из неё то, во что верили, потом сами же и бросили.

Вера... твою мать, точно, вера! Ответ – вера! Они не верили в то, что Женя может сформироваться самостоятельно в человека, и поэтому с раннего детства вдаблывали в неё то, что хотели видеть в собственном «ребенке мечты». И речь тут совсем не о выборе собственного Бога, дороги в жизни или тупо спортивного направления. Речь о деконструкции потенциальной личности в угоду собственным смехуёчкам, в которых сами же потом разуверились.

Леша блять, прощельга, ты меня слушаешь? Ответь мне!

Мне не справиться без тебя. Подожди, потерпи немного.

Совсем скоро всё это закончится.

Вера

Ох, Леха. Одна из самых главных вещей, которую я усвоил к своему весьма скромному времени, это то, что миллиардер, бомж, я и ты счастливы и несчастливы одинаково, просто у всех разные причины радоваться или горевать. Да, да, понимаю, всё это звучит весьма и весьма странно, но ты только послушай. На своём жизненном пути ты приобретал и терял, и все это было в различном социальном статусе. Иногда тебе казалось, что ты не можешь быть счастливее, чем сейчас, и буквально через какое-то время ты вновь в этом переубеждался, находя для себя новые источники счастья. А если все так, то... горести о недостатке денег, войны и катастрофы, пандемии, заключения – всё это хуйня. Это все обесценивает, совсем. Ведь, если подумать, то какой во всём этом смысл, если что бы ты не делал – это не принесет излишек счастья, а возможно лишь продлит срок действия этой блядской таблетки.

Отвлекаясь от счастья и прочей чепухи, сократив все до минимума мы получаем то, что сквозь мою жизнь, жизни моих жертв и жизни тех трёх детей Алеся и хотела мне донести то, что само существование её блядского чистилища – есть результат нашего тщетного увлечения в поисках счастья.

И когда я, в поисках фантомного счастья занимался сексом с очередной «единственной и неповторимой» в её глазах я понял, что, наконец-то, умер. После я пытался скрасить свою жизнь любовью, но так её и не нашел, все тщетно было. Иронично, что в поисках счастья я уничтожил последнее хорошее, что оставалось во мне. Я убил в себе принца при попытке стать суперчеловеком. И вот, как и говорила Алеся, видимо чистилище и стало существовать только благодаря похоти. Не путай со страстью и вдохновением, что происходит между влюблёнными, оно ценно, а потому хрупко. И уничтожить его очень просто, достаточно лишь несколько раз предать своего внутреннего ребенка и все – теперь ты худшая версия себя. И благодаря доступности этого, с позволения сказать, греха – ты очень просто погружаешься в этот омут.

Попытавшись встать с колен, я всё же однажды попробовал помириться со своим внутренним ребенком, которого нещадно бил палкой все эти годы. Попробовал подкормить его потенциальной влюблённостью. И когда я встретил милый мне взгляд напротив – я сдался. Я просто не смог ничего поделаться. Все эти блядские мэфедроновые глазки, колготки и чулочки, California dreaming, все дела – всё это ни стоило ни одного удара по моему бедному ребеночку. Всё это надо просто перетерпеть, как голод. Если подождать, пока голодный, то голод уйдет и наступит тошнота. А тошноту довольно легко переносить.

Лёха. Только представь себе картину, как вот в тот момент, наконец, я захотел собрать воедино свой мир, свой собственный замок. И вернувшись я увидел, что всё давным-давно разрушено. Я ехал домой тёмно-синий, как труп. Мертвецки синий цвет моей кожи говорил мне о том, что я уже давно умер, только стеснялся себе рассказать об этом.

Поезд нёс меня в сторону моего дома, а я уже и забыл, какого это – возвращать и возвращаться. Я стал забывать, как быть настоящим человеком. Что они едят, что пьют и о чём думают перед сном. Каждый раз, с новой ladies я надеялся и верил, что вот, совсем скоро всё будет хорошо, что будет как у всех. Я вспомню, что такое летать, я люблю, может даже взаимно, а пока нет у меня взаимности с этой вертихвосткой, по имени Жизнь. Не любит она меня, терпеть не может. Надел я ей своими бесчисленными подкатами, она, как и всё шлюхи вселенной, «сильных» любит. А кто сильный то? Кто придурок, тот и сильный. Только законченный идиот может быть сильным, потому как в голове пусто. Наркоманы сильные все, им хватает сил убивать себя. Самоубийцы сильные – им хватило сил на самый серьёзный поступок в их жизни. Пьяницы, колдуны, воры, хулиганы и быдло – вот, кто в наше время силён. Вот кто достаивается чести и славы, а слабые ремесленники пера и кисти для счастья не созданы. Знаешь Лёх, что я тебе скажу? Наверняка тот самый принц из сказки был на самом деле настоящим придурком и быдланом, а стены замка – это единственное, что помешало принцессе стать

шлюхой. В том замке я спас разве что дракона.

И теперь я тоже сильный. Я как они – только немного хуже. Легкие порывы разума в моей голове мешают мне стать сильным до конца, я так, чуть совсем. В конце пути я понимаю, что никому я так и не смог ничего предложить.

Правда, Лёх?

Правда ведь?

Ауу...

Ах да. Я один здесь, не было никакого Лёхи. Я его выдумал, чтобы не уходить одному. Хотя бы на краю жизни, сейчас, я не хочу быть одиноким. Я хочу быть услышанным. Как в день рождения, да! Пусть сегодня будет как в день рождения, только день смерти. Смерти слишком пафосно... день ухода? Последний день? Да какая разница. я один тут, с Ал..Лёхой. С Лёхой я, да, братан? Ты ведь со мной через огонь и воду. В шкафу вместе сидели, столько херни видели. Баб перепортили тьму. Ублюдки мы с тобой, А ты и признаваться не хочешь. Вот чувствуешь, как тебе больно, когда я давлю на эту рану? Больно и мне. Значит мы живы! Я жив. Сейчас.

Как же это важно всё–таки, быть Сижу тут в подвале, как долбаёб, Сам с собой разговариваю. Потрогал своё лицо. Запекшаяся кровь неприятно стягивала кожу на щеках, руки болели от веревок, а одна вообще была разбита молотком. Три пальца на руке, прикольные на ошупь. Синие, как я в том поезде. Местами почернели. Пальцы уже ничего не чув-

ствовали и были похожи просто на твёрдые чёрные палочки, вырезанные из липы заскучавшим мальчишкой, коим я был очень давно. Следы глубокие, будто я висел на руках. Пока себе рассказывал, видимо, пытался вырваться и сбежать сам от себя. Повсюду кровь – очень много. Она была на руках, стуле, веревках, наждачной бумаге, молотке, пассатижах, во рту, в глазах и в мыслях. Моя кровь, грязная и вонючая. Я мечтал, чтобы она поскорее закончилась и я, наконец ушел. Дурацкая кровь должна уходить, но нет, никак.

Нет, стоп! Я не позволю!

Лёха! А ну иди сюда. Я не договорил. Ты не можешь уйти просто так. Просто пропасть, как чувства или правый носок. Ты не имеешь права пропадать. Ты не просто плод моей больной фантазии, ты такой же, как и я! Я тебя родил в себе, воспитывал твою личность параллельно с моей, а знаешь зачем? Всё ради того, чтобы во мне смешались наконец твоё добро и моё зло. Чтобы добро, наконец, победило. Я дал тебе шанс стать святым мучеником. Я сделал всё для этого. Без моего зла никогда бы не было тебя. Как бы ты не старался – тебе не сбежать, к твоему огромному сожалению, мы делим одно тело.

А знаешь что, Леха? Мир прекрасен! – сказал я, очередным хлестким ударом ударив себя по голой груди – прекрасен потому, что больше у нас ничего то и нет! Творчество? Наука? Секс? Бабки? Все это хуйня! Полная ебанина! По одной простой причине – мне скучно! Я ненавижу тебя пря-

мо сейчас! Ненавижу, пока ты смотришь на меня, плачешь и любишь. Неужели это всё, что мы смогли создать? Все такие слабые вокруг, никчёмные. Никто ничего не умеет, все привязаны ко всем, прямо как наши руки друг к дружке. Так что же нам делать? Сколько бы я не бил тебя, сколько бы зубов я еще не вырвал – ты отказываешься быть великим. Ты уже глух, остались только глаза. Твои блядские серые глаза! Точно!

Отныне и впредь ты не увидишь этот мир больше! Тут есть верстак, с тисками. Сейчас я зажму туда гвоздик и всё, это будет последняя наша с тобой вспышка. Ты наконец перестанешь видеть безобразие этого мира. Твои руки уже не чувствуют, голос давно молчит, уши не слышат. Мы должны, наконец, выйти на последнюю битву между друг другом. Добро–зло, ад–рай, не важно, как не назови, а мы должны узнать, кто же победит в самом конце. В самом конце, там, где ты не сможешь сбежать. Там, где я найду тебя и мы, наконец, навечно будем рядом. Ты не сможешь скрываться за разовыми порывами моего характера. И тогда, мы наконец поболтаем как друзья.

Я встал со стула. Брезгливо сбросил веревки с рук и принялся за работу. На столе стояла банка из-под кофе, старого, типа «CAFÉ PELE», полная гвоздиков разной длины и кривизны. Кажется, я видел такие банки в магазинах. Интересно думать, что они сразу наполнены разными болтиками, гаечками и окурками. Достал один, что покрепче на вид. То ли

он был вытасчен гвоздодёром из куска забора, то ли из паллета, это уже не важно. Главное, что сейчас этот гвоздик – это мой мост между добром и злом, это мой личная эстафета свободы, мой последний выстрел.

В этот момент я почему-то подумал снова об отце. Каждому из нас интересно дожить до того момента, когда наш отец подойдёт к нам и скажет: «А ты постарел, вон сколько седых волос уже». Интересно, что же я почувствую в этот момент. Буду ли я рад этому, или наоборот, задепрессую люто? Ведь, наверное, именно в этот момент отец и становится для тебя тем самым другом, компаньоном, вторым пилотом. Как же жаль, что моя жизнь стала такой. Теперь у меня нет ни единого шанса остаться с миром и узнать, что же я всё-таки почувствую. Мне нужно путешествие в пустоту, ведь кажется только там я найду правду. Только там есть все ответы, в блаженной звенящей тишине.

Я взял парочку, как мне казалось, самых прямых и длинных гвоздей в банке, они будто флажки на последней эстафете. Приложил их к тискам и начал зажимать. Старые тиски поддавались туго, и скрипели плача, словно провожая меня в пустоту. Кажется, вот он – тот самый край бездны. Всю жизнь его искал, а он все время был тут, так рядом, у этого самого стола.

Гвоздики зажаты, и я приложил зрачки к торчащим вверх кончикам. А близко они похожи на те самые желтые глазки, которые провожали меня в мою последнюю попытку быть

счастливым. Это уже все не важно. Важен лишь я и эти железяки.

Чтобы не спасовать в последний момент и уйти в пустоту смелым шагом я привязал ремень от штанов к гантелям с каждой стороны и привязал к шее. Понимаю, так себе решение, но и инженер из меня никудышный.

Вдох, выдох, рывок. Звук падения гантелей на пол, скрип гвоздей в голове. Неприятный, но боль нужно было терпеть, чтобы наконец добраться до тех прекрасных последних часов с самим собой.

Перв. примен.

ИТА
ИТА

0.5.B

Тьма

Вот и я тут оказался, пап. Теперь я вижу путь на другую сторону, и, если честно, искупление за весь этот ёбанный мир, который, кажется, придуман мной. Иначе как объяснить то, что все стало вокруг таким бессмысленным и безумным? В этой тьме я остался один, и тут больше не нужно себя винить ни за что. Тут нет ни грехов, ни трагедий, ни человеческой глупости. Остался только я один в вечной тишине.

Говорят, что после смерти будет ровно то, что было до вашего рождения, и я сейчас к нему готовлюсь. Интересно, куда моё путешествие заведет меня? Разрешит ли мир мне появиться снова? Смогу ли я во второй раз стать настоящим человеком? Такой трепет, так много вопросов, и, наконец, у меня есть время поговорить об этом с единственным настоящим человеком в этом мире – самим с собой. Наконец-то. Всю жизнь я гнался за чем-то или кем-то. Всю жизнь со мной были не те люди. Но теперь я тут, я стал настоящим человеком.

Здесь меня не найдут души людей, чью жизнь я испортил. Здесь нет ни отца, ни отчима. Здесь нет кредитов и долгов, поэтому я не хочу прятаться от них в ежедневном блядстве. Здесь нет людей, и потому мне не страшно. Здесь не следят за мной, и я верю, что я один. Здесь нет её взгляда, и потому я спокоен. В этой тишине невозможно никого разочаровать, потому как никого и нет. В этой тьме мне не нужно быть кем-то, ведь я уже – вселенная. Всё, что здесь есть – это я.

Здесь нет похоти, ни чистилища, ни Алеси. И я верю, что, уходя в эту тьму я забрал всё с собой, и теперь все стало как надо. Когда я ушел, то точно забрал из мира все плохое. Говорят, что в мире происходит плохое, как только на него смотрят и действуют. Этот мир был создан только для меня, а значит, когда меня в нем нет – все хорошо.

Теперь, когда я оказался здесь – я победил. Тут нет мыслей о жизни и смерти. Тут есть только бесконечно мной любимая, звенящая и приятная тишина ожидания чуда. В муках своих я забрал все сюда, с собой. Забрал и уничтожил, растворив в тишине.

«Говорят, что хорошим для всех не будешь, а я считаю иначе. Говорят, что чтобы чего-то добиться в этой жизни нужно быть дерзким, это тоже ложь. Говорят, что девушки любят сильных парней, злых, brutальных и грозных как грузовой автомобиль – они просто еще не понимают, что такое настоящая сила. Оторвать свой котелок от реальности, отстраняясь от мнения людей решать вопросы грубой силой, теша лишь свой быт этим, забывая про любопытство и любовь – дурь, околесица, ложь. Так каждый может, при возможности. А вот противостоять начинающему уже попахивать обществу при помощи таких инструментов, как доброта, счастье и радость – это многого стоит. Стойко перескакивать через общественное и культурное навязывание, неся при этом за плечами огромный груз ответственности и бы-

лых бед попробуйте улыбнуться! Искренне. Попробуйте выслушать человека, неприятный жизненный путь которого кажется вам несоизмеримым пустяком, относительно вашего. А фокус был в том, что если так делать чаще, то в скором времени вы и сами станете не горевать о своих трудностях, а решать их простой бумагой и ручкой. Вы будете улыбаться сами себе. Правда, поистине счастливым вы тоже будете лишь сами с собой.»

ОТ АВТОРА

Спасибо за прочтение. Я надеюсь, что эта книга дала вам что-то новое, ну или хотя-бы вам было не так мерзко её читать.

За неоценимую помощь в написании книги хочу выразить благодарность всем моим друзьям и близким, без вас я ни за что бы не справился.

Отдельная благодарность:

Ибрагимову Линару за обложку «Собачьего Кайфа»

Захаровой Наталии за редактуру «Собачьего Кайфа»

Суслину Павлу за то, что подтолкнул меня к идее иллюстраций «Серпентариума»

Гета Ольге за редактуру «Серпентариума»

Рогову Николаю за помощь и проверку иллюстраций «Серпентариума»

Акимову Валерию за помощь с иллюстрациями «Серпентариума»

Денисовой Марине за постоянные перечитывания моих

текстов и рекламу среди друзей, знакомых и случайных прохожих.

Спасибо вам огромное!

